

Никон Сочихин

Светлая радость

Краебрежний Судачий завод
им. Александра Сергеевича
Пушкова

Судачьи суда 2011-2012
Алексей Соколов

Никон Сочихин

Светлая радость

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

С 69

С 69 **Сочихин Н.В.**
Светлая радость. – Издательство «Зауралье»,
2011. – 448 с.

ISBN 978-5-87247-568-2

© Сочихин Н.В., 2011

Сочихин Никон Васильевич родился в 1939 году в деревне Коларово (село Спасское) Томской области в семье врача. Еще ребенком лишился отца. Воспитывался в детском доме, что в 1940-1950 годах находился на реке Васюган в деревне Усть-Чижалка, ныне несуществующем.

Служил в армии в Приморье и на Камчатке.

Закончил Тюменский индустриальный институт. Горный инженер по бурению нефтяных и газовых скважин. Работал бурильщиком разведочного и эксплуатационного бурения, а также капитального ремонта скважин на месторождениях Среднего Приобья.

Автор нескольких поэтических книжек, изданных в Москве и Томске.

В 1996 году принят в Союз писателей России.

С благодарностью Юрию Ивановичу Важенину, генеральному директору ООО «Газпром переработка» города Сургута.

Игорю Павловичу Афанасьеву, первому заместителю генерального директора ООО «Газпром переработка» города Сургута, депутату городской думы.

Всему коллективу предприятия за помощь в издании данной книги.

Никон Сочихин, автор

ОТ РЕДАКТОРА

Мне доставило огромное удовольствие первому, еще в рукописи, познакомиться с книгой стихотворений сургутского поэта-сибиряка Никона Сочихина «Светлая радость», истинной, доброй, по-настоящему светлой, лиричной.

О сути поэзии Никон сказал коротко и четко:

Поэзия – это душа.

А можно ли выразить душу?

Да, нелегко, трудно в слове выразить душу, но ... на то и поэт, чтобы, в крайнем случае пытаться это делать.

Близок мне Никон и по преданности профессии буровика. Многие из пишущей братии бахвалятся: они-де, освоили множество профессий, работали там-то и там-то, тем-то и тем-то, что им сродни и грубая рабочая роба, и чистенький «белый воротничок».

Не стану спорить, а верится с трудом.

Горный инженер по образованию, Никон большую часть своей жизни работал бурильщиком. А это день-ночь, дождь-снег, ты на буровой, отлучиться нельзя, процесс бурения непрерывен, ты весь внимание. Тут не до стихов. Я сам нефтяник и знаю не понаслышке, что это такое.

И только потом, на выходных, когда жар работы спадает, приходит вдохновение и бурильщик становится поэтом, и тут рождаются стихи, чистые, честные, без всякой зауми и выкрутасов.

Как ни покажется странным, наше поколение, выраставшее во всевозможных «анти»-условиях, было чрезвычайно целомудренным и незлобным. Эта целомудренность и незлобность тихо, ненавязчиво присутствуют и в самой лирике Никона Сочихина.

Уверен: читатель, познакомившись с книгой «Светлая радость», будет приятно удивлен и получит действительно светлую радость от ее прочтения.

*Виктор Козлов,
член СП России,
лауреат лит. премии губернатора Югры
и премии Д.Н. Мамина-Сибиряка*

*Привет тебе, Родина наша!
Средь ясных и горестных дней
Нет для души тебя краше,
Нет и для сердца милей.*

*Есть светлая радость родиться
Под небом высоким твоим
И именем честным гордиться,
И делом гордиться своим.*

*И в хоре согласном народа
Не только лишь рот открывать...
Будь славна и Матерь – Природа,
Что это смогла даровать!*

ДАЛЕКИЕ ГОДЫ

*Привет тебе, Родина наша!
Средь ясных и горестных дней
Нет для души тебя краше,
Нет и для сердца милей.*

*Есть светлая радость родиться
Под небом высоким твоим
И именем честным гордиться,
И делом гордиться своим.*

*И в хоре согласном народа
Не только лишь рот открывать...
Будь славна и Матерь – Природа,
Что это смогла даровать!*

ДАЛЕКИЕ ГОДЫ

Далёкие годы... На тесных вокзалах
Родню узнавали мы чуть ли ни в каждом -
Нам хлеба немножко и кожицу сала,
Не жулики мы обворовывать граждан.

Глядишь, пожалеет солдат на протезе,
Старуха, согбенная богом нелепо.
И счастлив, и плачешь, и хлеб, как железо, –
Нет горше на свете сиротского хлеба.

Не знали мы радость дарёных игрушек.
Видать, отродясь не носили обновок.
По грязным подвалам, как будто зверушек,
Отлавливал нас старшина – участковый.

Мы в цепких руках его бились: Не троньте!
И в слёзы. Навзрыд. Не успели. Попались.
Как жаль, что отцы наши сгибли на фронте,
А мамы в дороге от нас потерялись.

Потом нас помыли. Сменили одежду.
И сытыми спать положили. И этим
Отняли. Отняли. Отняли надежду –
Когда-нибудь где-нибудь маму бы встретить.

А нам бы те годы поврозь не осилить.
Поврозь и желтуха бы нас доконала.
Мы стайкой пугливой к подолу России
Припали...
И нас она не выдавала.

ДОРОГИ НАШИХ ОТЦОВ

Дороги наших отцов
Определял военком
Перед сомкнутым строем в лицо,
А не через родню шепотком.

Когда занимался день
На самом краю земли,
Винтовки взяв «на ремень»,
Они к эшелонам прошли.

Была первозданная тишь,
Как в сотворения дни.
И ранние дворники лишь
Подумали: «Бог вас храни!»

Мой друг, на судьбу не греши.
И жизнь обвинять не спеши.
То были что надо бойцы.
И стали б что надо отцы.

Но дан был короткий приказ.
Была невозможной цена...
И Родина вспомнила нас.
И выбрала нам имена.

СТИХИ О СТАРШИХ БРАТЬЯХ

Не дочитывались книги,
Отставлялись топоры
Под надрывный плач и крики
Первогоднешней поры.

Головастые парнишки,
Кем гордился сельсовет,
Наши старшие братишки
За отцами шли вослед.

Был их путь суров и светел.
Встречу им цветы и прах.
От пожарищ дым и пепел
Опадали в волосах.

В славный Май земля оттепла,
Взялись книги и топор.
Но никто волос от пепла
Не отмыл и до сих пор.

И на сельском обелиске,
Втиснены, как в письмена,
Имена родных и близких –
Дорогие имена.

Уходили отцы и братья
Из родного села,
Где-то черными ратями
Сила черная шла.

Вот взошли на пригорок,
Оглянулись назад:
– Ты не плачь, мать, так горько,
Вытери-ка глаза.

Рожь к ногам нашим гнется,
Тишина, хоть пруди.
И я слышу как бьется
Его сердце в груди.

Вновь я к папе прижался:
– Папа, можно с тобой,
Я бы храбро держался,
Я ж не плакса какой.

Положил мне на плечи
Две шершавых руки:
– Маме тоже не легче,
Ты ее береги.

Запылили подводы,
Заскрипели гужи....
Минут годы и годы,
Память в сердце лежит.

* * *

Качался катер у причала.
Скрипел обшарпанный причал.
И что-то женщина кричала.
И кто-то с катера кричал.

И ветер злой, сырой и резкий,
И волн скаканье по реке...
Всё в памяти осело детской,
Как полотно в запаснике.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Был неба край зарёй закапан.
Позёмка жёсткая мела.
А мать молилась. И на запад
Знаменье крестное клала.

Я за подол её держался.
Хотелось плакать – и не мог.
И сердце билось: сжался, сжался,
Над ним, над нами, ты – наш Бог!

И мы просили так немного –
Чтоб воротился в дом солдат..
Но как-то холодно и строго
Смотрел, сходящий в ночь закат.

В детстве под грозою
Брат шептал мне в уши:
«Дождиком обмоет.
Солнышком обсушит».

Это, чтоб не плакал,
Не тянул за душу.
И дожджик закапал,
Пузырясь по лужам.

После было всяко -
Множество вопросов.
Жизнь – это драка,
Та, чтоб кровь из носа.

И пред людской молвою
Я теперь не струшу:
Дождиком обмоет.
Солнышком обсушит.

На деревне стало нелюдимо.
Бабы кличут непослушных кур.
И пугает едким дымом
Комаров чадящий дымокур.

Что за время, что за жизнь настала
В нашем тихом и лесном краю?
Отчего же песен, как бывало,
За деревней больше не поют.

И гармонь в берёзовую чащу
Не зовёт наряженных девчат?
И всё чаще, чаще, чаще
В каждом доме горько голосят.

Сперва я думал: там не убивают
И кто-то зря пугает наших мам,
Что в точь, как мы, батяни поиграют
И разойдутся к ночи по домам.

Но вскоре думать стал совсем иначе
И твёрдо понял истину одну:
Когда играют взрослые в войну,
Тогда весь мир от боли плачет.

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Санная дорога
Да полозьев скрип.
Солнце за отрогами
Без тепла горит.

Лошадь индевелая,
Терпкий дух овчин.
Спит равнина белая,
Холодно молчит.

Путь играет бисером
Радужных цветов,
Словно кто-то выстирал
Простыни снегов.

Лентою вплетается
В колоннаду пихт.
Свист синиц срывается,
Как со струн тугих.

Радостно, мучительно,
Может, как мечту,
Нового учителя
Ребятишки ждут.

Думают: «Слащенная,
И вздохнуть не даст».
А войдёт, смущённая,
Скажет в первый раз:

«Здравствуйте, ребята!»

ВЕСНА НАШЕГО ДЕТСТВА

Идёт весна. Идёт весна.
Сияет даль небес.
Ну, разве наша в том вина,
Что так нас тянет в лес?

За нами нужен глаз да глаз.
Но уследи – как раз!
Чуть что – тетрадки под матрас.
– Быстрей! Быстрей! Атас! Атас!
На ужин ждите нас.

Там всё: и лес, и сам простор
Поёт. Скрипит. Стучит.
И наш обычный разговор
По-новому звучит.

Вот грызла белочка орех –
Скорлупки... Благодать!
Вот зайка спал. А вот...
И всех
Следов не отгадать.

И всюду лазить нам не лень,
Чтоб знать и что и как.

Да короток весенний день,
А вечер длинен так.

Уже недолгая заря
Взошла на небосвод.
И вспыхнул, искрами горя,
Седой зимы оплот.

Мы возвращаемся домой,
Верней, в детдом,
А там...
Директор собственной рукой,
Своей единственной, одной
Нас ставит по углам.

ТЕТЕ ЛИЗЕ, НЯНЕ

Тетя Лиза, дорогая няня,
Как ты? Где? Поддай скорей ответ.
Пролегло меж нами расстояние
В десять быстро пробежавших лет.

Я помню, помню нашу Усть-Чижапку.
Было холодно. Была зима.
Куда ни глянешь – снеговые шапки
На всех заборах и всех домах.

Вижу все, глаза прикрыв немножко –
Спальня, холодно, ребята спят давно.
А за окном, как стая белых кошек,
Скребется вьюга в стены и окно.

По крыше бегают. В печи голодно воют.
В комочек сжался, ведь такая жуть,
Не то уж чтобы шевельнуть ногою,
А страшно даже и вздохнуть.

Как половодье, стая нарастала.
Казалось, стенам их не удержать...
Я выскочил как мышь с-под одеяла
И к тебе в каптерку прибежал.

Постелила ты мне на скамейке,
Подставив стулья, чтоб я не упал.
Чем-то близким пахла телогрейка
И песню тоже где-то я слышал.

Тогда мне снилось, что я снова дома.
Меня целуют мама и отец —
То я, сыновней нежностью ведомый,
К твоей руке прижался как птенец.

Было утро, когда я проснулся.
Солнца луч смотрел в мои глаза.
Я вновь к своим товарищам вернулся,
Тебе спасибо даже не сказав.

Года, как птицы в осень, улетели.
Их возвращения встречать уже не нам.
И умом окреп я, да и телом,
А на тебя какой лег вещий знак?

Наверно, мне цветов к твоим ногам
не сыпать,
Но, как бы ни было, хочу тебе сказать:
Спасибо, няня. Добрая, спасибо!
И прости. Ведь ты могла прощать.

* * *

Люди, скорее! Смотрите, над нами
Вон – журавли!
Гордые птицы почти над домами
Плавно прошли.

Вот за деревней над старым болотом
Стали кружить.
– Может быть, – тихо обмолвился кто-то, –
Будут там жить.

Но журавли, покружив, улетели,
Вдаль, за леса.
Долго потом над округой звенели
Их голоса.

Вечером мы расходились по хатам,
Став повзрослей.
Каждый себя посчитал виноватым
За журавлей.

* * *

Мы жизни ничто не поставим в вину:
Ни сиротство, ни горшее, если случится.
Наши старшие братья ушли на войну
И некому стало с нами водиться.

Пускай обошли нас посты и чины,
Хотя при упорстве могли и добиться.
Наши старшие братья не вернулись с войны
И некому было за нас заступиться.

Но мы на тебя не в обиде, страна.
И сами сумеем, коль гром разразится,
Как старшие братья... И их имена
Не запятнаем.
Могу поручиться.

РОССИЙСКИЙ УГОЛОК

Сибирская деревня,
Российский уголок,
Где вот они – деревья,
Лишь выйди за порог.

Там реки в перекатах.
Озёр – не перечесть.
А шишек там, ребята,
А ягод там, ребята,
А рыбы там, ребята,
Соври – и не соврёшь!

Суровых лет сироток
В семью ты приняла:
– Пускай живут, чего там,
И на руки взяла.

А у самой немало
Забот и о своих...
Спасибо тебе, мама,
От всех друзей моих.

Ведь нам твои крестьяне
Хлеб отдавали свой.
Не зря же нас так тянет
В Чижапку – дом родной.

И вам поклон наш низкий,
Родные земляки.
Пускай, мы далеки,
Но вы у сердца – близко.

ВАСЮГАНСКИЙ РУЧЕЙ

По колено засучены гачи,
Хлеб в карманах да банка червей.
Идут пацаны рыбачить
На Васюганский ручей.

Идут. За их голые плечи
Солнце, как мама, берёт.
Прислушалось, что щебечет
Круглоголовый народ.

Маленький, самый маленький,
Ему и шести ещё нет:
– Ребя, сегодня мамочка
В ночь приходила ко мне.

Не верите! Честное слово!
Ни капельки я не вру.
В платье таком, какого
Нигде не найти вокруг.

А какую она игрушку
Потом подарила мне.
Я положил её под подушку,
А утром смотрю – её нет.

Ребята не засмеялись,
Чудак, мол, ведь это же сон.
Они к нему крепче прижались,
Какой-то особенный он.

Худенький. Голова, как мячик,
И весь, что птенец-воробей.
Мальчик, детдомовский мальчик,
Их брат по мечтам и судьбе...

В прохладе просёлочной пыли
Уснула ребячья пора.
Но сердце ничто не забыло.
Всё помнит. Как будто вчера:

По колено засучены гачи.
Хлеб в карманах да банка червей.
Идут пацаны рыбачить
На Васюганский ручей.

Альберту Бударину

Дружище, я не позабыл
Тех давних дней дожди и солнце.
И до сих пор во мне жив пыл
Закоренелого детдомовца.

Хоть мы ужасно далеко
От детства оба отшагали,
Всегда приятно и легко
Я вспоминаю эти дали.

И как там трудно ни жилось,
На детство не таю обиды,
Все, что увидеть нам пришлось,
Другим вовеки не увидеть.

Пусть они и лучше нас,
Не станем мы на них сердиться.
Все в этой жизни только раз
И вновь ничто не повторится.

Не повторимся ты и я,
Как ни хоти. Ни в коем разе.
Что делать? Матушка-Земля
Не терпит этих безобразий.

И правильно.

**Не помня зла,
Я перед ней снимаю шапку
За то, что мне она дала
Все, что имела, что могла:
Тебя, мой друг, и Усть-Чижапку.**

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я не помню, когда пришло
К нам известие о победе.
Помню, было тепло.
Помню, вволю поел на обеде.

Митинг был, помню, флаги.
Помню, мы пели при этом.
Тогда всем детдомом в лагере
Жили мы целое лето.

И помню, мы очень ждали
Большой перемены в судьбе...
Но отцы к нам не приезжали
И не забирали к себе.

ДУРОЧКА

Щепа в лоскут запелената,
Таинственный, нездешний взгляд,
Слова, что ей лишь и понятны,
Уже который день подряд.

Она малюточку качает,
Ей нежно песенку поет.
И ничего не замечает,
И никого не узнает.

А мы, не сознавая очень,
Как это мерзко и грешно,
Вовсю над дурочкой хохочем,
Хотя и вовсе не смешно.

Но вот она припомнит маму,
Себя у мамы на руках,
Людей... И над дорогой прямо
Паучью тень на облаках.

И станет прятать.
Прячет.
Прячет.
Не сможет.
И прижмёт к груди.

И крупными слезами плачет:
– Ну, улети-и-и!

Ведь у неё с тех пор от бомбы
Не всё в порядке с головой.
Она поёт. Я помню. Помню
Тот, ледящий душу, вой.

Зачем моторы заводили?
Зачем летели на восток?
Какую песню загубили!
Какой растоптан был цветок!

ПАМЯТНЫЙ УРОК

Я не зря сейчас припомнил
Те далёкие деньки,
Когда мы на сжатом поле
Собирали колоски.

Шаг за шагом, без оплошки,
Наклонясь сто раз на дню,
Свои детские ладошки,
Обжигая о стерню.

Давний, памятный урок...
И теперь, стихи слагая,
Больно сердце обжигаю
О стерню горячих строк.

ЗНОЙ

Зной объял поля, деревню,
Над дорогою повис,
Лишь в пруду растут деревья,
Опрокинув кроны вниз.

Молит нищенка о хлебе.
Робко тянется рука...
И ни облачка на небе.
На земле – ни ветерка.

ЗА ЯГОДОЙ

По морозцу русскому,
По просёлку узкому
Хорошо за ягодой
Топать по утру.

Звонко дятел стучает,
Даль ему аukaет,
И ледяшкой брякает
Кружка по ведру.

Давнее, заветное.
Место есть приметное,
Вот лесок окончится
И увидишь ты:

Ничего особого,
Заросло осокою,
Кустики да кочки,
Кочки да кусты.

А на каждой кочке –
Красненькие точки,
Сыпано – усыпано,
Словно кем просыпано.

Было лето, как огонь.
Поле. Травы. Речка.
Были кони. Только тронь
Иль взмахни уздечкой.

Дни веселий пронеслись.
Птицы улетели.
И зверушки улеглись
Спать в свои постели.

И стоит, примолкнув, лес,
Будто на картинке.
И летят, летят с небес
Белые снежинки.

КОФЕЙНЫЙ ГОРОШЕК

Нету на свете дороже
Конфет, чем «кофейный горошек».
Уж мне-то поверьте, я знаю,
И это мой друг подтвердит,
Когда-то на блюдца-ладошки
Стекали с прижимистой ложки
Пять-шесть этих смуглых горошин,
Таких аппетитных на вид.

Мы чай выпивали впустую,
А их – драгоценность такую –
В глубокие клали карманы,
Чтоб не спереть никому.
И в комнате спальной на койках
Каждый подсчитывал – сколько –
Сколько сегодня досталось
Волшебных горошин ему.

На них с головой-то умелой
Великое делалось дело.
Ну, скажем, крючок рыболовный
Выменять можно, а то...
Достать превосходные перья
/Давно не встречал их теперь я/

К примеру, вот, перышко «колос»,
«Лягушка», или «рондо».

Пусть нынче пишу авторучкой,
И ем шоколад самый лучший,
Крючков накопил всевозможных,
И каждое утро побрит.

Но...

Нету на свете дороже
Конфет, чем «кофейный горошек»
Уж мне-то поверьте, я знаю,
И это мой друг подтвердит.

Я не скажу, что край мой невидаль,
Возможно, много есть таких,
Где рыбаки под вечер неводом
Вылавливают солнце из реки.

Где тишина по вечерам
Хрустальнее прозрачной плёнки,
И в ночь до самого утра
Рожь убаюкивают перепёлки.

Где по утрам пастух бичом
Коров сзывает из оградок,
И солнце – розовый бычок –
Резвясь, бежит на луг за стадом.

Где в полдень ветер, захмелев,
С настоем молока и сена,
Спит, под копёшкою присев,
Склонившись на одно колено.

Где лес так лес. Ель в три обхвата,
Еще с ладонь не достаёт...
То Васюганский край, ребята,
Я не был там двадцатый год.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСКОМ ДОМЕ

Я теперь вспоминаю всё чаще
Наш, стоящий на взгорке, детдом.
Вспоминаю не слёзно-скорбяще,
А светло, как о доме родном.

Что за чудо там были покосы
Над Чвором и Чижапкой-рекой.
А какие летали стрекозы,
Что лишь в сны залетают порой!

А на выборы в лучших обновках
Собирались у школьных ворот.
И весь день на санях и кошёвках
По деревне катали народ.

Было. Было. И там провожали
В путь последний покой обрести.
Но такие там свадьбы играли,
Что хотелось скорее расти.

Будто жизнь там кипела азартом.
Будто время летело вперёд,
В лучезарное светлое завтра,
Что придёт и наступит вот-вот.

Вольный хлеб нам объявят не скоро,
Нет и слухов ещё о таком...
Но всё реже главенствовал голод
За общественным нашим столом.

Пусть не все миновали невзгоды.
Пусть не вовсе напасти прошли.
Но что это были за годы!
А мы, что в те годы росли!

ЗАВОДСКАЯ ОКРАИНА

Моя заводская окраина
Насквозь пропиталась окалиной.
И куры в своих лопухах,
И голуби в их облаках.

Вот лежу я на крыше сарая,
Просто так и ещё – загорая,
И в восторге взираю на дом,
Где Ёсик махает шестом.

Его голуби – сущие звери.
Крикнул. Свистнул. Они полетели.
И теперь уже, наверняка,
Приведут на хвосте «чужака».

Двухэтажный, военной постройки,
Дом стоял, как солдатик по стойке.
Многих он приютил, обогрел,
Стал родным, да навек постарел.

Ведь вокруг его, полные звона,
Корпуса из стекла и бетона.
Что ж, он выполнил дело своё
И готов уйти в небытие.

Но печальны пустые глазницы,
Видно, сон ему снится и снится.
Снится Ёсик на крыше с шестом.
Снится девочка с пышным банто́м.

Снится мальчик в волнении веском.
Вот сейчас отойдёт занавеска –
Чудный облик появится там,
И – «Люблю» – он прочтёт по губам.

«РИО-РИТА»

Наши мамы немного сердиты.
Папы хмурятся с фото чуток.
Над округой звенит «Рио-Рита»,
Созывая ребят на каток.

Отставляются в сторону книжки –
Не до книжек, конечно, сейчас.
Мы сегодня всего лишь мальчишки...
Мамы, мамы, простите вы нас.

На ногах примитивные «дуты»,
Но зато на ботинках коньки.
Мы парим надо льдом – футы-нуты –
Хаотически, как мотыльки.

И девчонки соседские с нами,
И всё «ой»-то они, и всё – «ах!»
Мы у них мельтешим под ногами,
В намерении быть на глазах.

А у каждого «страшная» тайна,
А у каждой «ужасный» секрет,
Что весьма и весьма не случайно,
Если всем по четырнадцать лет.

Как мы жили тогда, как любили,
Так не будет уже никогда.
Пусть потом нас навек позабыли,
Знали в жизни мы светлые были,
От того-то и помним всегда.

Наши мамы немного сердиты.
Папы хмурятся с фото чуток.
Над округой звенит «Рио-Рита»
И ребята спешат на каток.

* * *

Люблю я финтифлюшки
До объеденья прямо,
И пирожки и плюшки,
Когда печёт их мама.

Готов их есть без счёта
И дома, и везде.
Вон сколько их ещё там –
На сковороде.

Мне суп не наливайте.
Не надо мне рагу.
А пирожки – давайте.
Ой! Больше не могу.

Был в школе бал,
Бал Новогодний.
Весело на балу –
Мелькают ноги.

Юноши, девушки –
Белые платья.
Все в танцах кружатся,
Все веселятся.

Да и мы с другом
Ходим кругом.
Руками и телом
Кренделя выделяем.

Музыка льется
Рекой для нас.
Хочешь, танцуй
Краковяк иль вальс.

Зажглись на елке
Огни елочные.
На каждой ветке,
На каждой иголочке.

А на самой верхушке
Звезда Вега.
Наверно, дружок
С неба взял и повешал,

Разные огни
В один сливаются.
И где начало им,
И где кончаются?

Елка –
Букет цветов как будто –
Ромашек, гвоздик,
Незабудок.

Был бы поменьше он
И не так колючий,
Подарил бы учительнице,
Самой лучшей.

Самой красивой,
И самой памятной,
Что в первый раз
Посадила за парту.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Справляют новоселие скворцы.
Весна идёт по городу и полю.
Как раньше наши деды и отцы,
Мы выпускаем снегирей на волю.

И долго-долго смотрим их полёт
Из-под своих чуть вскинутых ладонцев.
Они летят всё выше, всё вперёд,
Как будто маленькие солнца.

И в груди, как раньше никогда,
Сердце вдруг по-новому забилося...
Это наше детство оперилось
И улетает, видно, навсегда.

КАРГАСОК

Здравствуй, здравствуй, Каргасок!
Я проездом на часок.
Через улицу на пристань
Я иду наискосок.

Твой древесный сельский вид
Мою душу бередит.
Эта пыль прибрежных улиц
Много кой-чего хранит.

Дай-ка встану, постою,
Вспомню молодость свою,
Тех товарищей, кто ныне
Бог лишь весть в каком краю.

Сколько нас без пап, без мам
Жило здесь по детдомам,
По глухим да по таежным,
По сибирским деревням.

Ах, товарищ капитан,
Не подумай, что я пьян.
Я давным-давно здесь не был,
Оттого в башке туман.

Ты возьми уж на «Зарю»,
Ведь не пьян же, говорю.
И причаль у Усть-Чижалки.
– Проходи. –
Благодарю!

Это годы всё, годы.
И, видать, неспроста
Память сердце уводит
В дорогие места.

Там, где Чвор и Чижапка,
Васюган и ручей,
Словно в шубках и шапках
Вековых кедрочей.

Где сорока стрекочет,
Возлетев на забор.
Краснобровый где кочет
Будит утренний бор.

Да кукует кукушка
На опушке лесной...
Мне бы сладить избушку
Под кудрявой сосной.

И с любимой, хорошей,
Жить, не ведая бед.
И весёлой порошей
Пусть засыпает след.

* * *

На катерке по Васюгану
Плывём, души утишить рану,
Тайгой любимся. И вдруг
Тайгу сменяет дивный луг.

А на лугу на стоге сена
В цветастом платице Селена
Поёт, и машет нам рукой....
И песня льётся над рекой.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПОКЛОН

В той деревне, где рос я в детдоме,
Ничего не осталось, кроме...
Кроме пары десятка дворов,
В них старух, да ещё стариков.

Сельсовет из деревни убрали.
Корпуса на дрова разобрали.
Вот и школа стоит без окон, —
Я привёз запоздалый поклон.

Ни мычання вокруг и ни лая.
Усть-Чижайка, деревня родная!
Где наш смех улетал в небеса,
Не слышны ребятни голоса.

Постою среди досок и брёвен.
Знаю, в этом никто не виновен.
Стало меньше в России сирот.
Слава Богу, который уж год
Наша родина мирно живёт.

Только жалко, красивая местность,
Зарастает травой окрестность.
И до спазмы сжимается грудь.
Поглядел. Поклонился. И в путь.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Встану утром рано-рано,
Только удочки со мной.
Словно дети, спят туманы,
Спрятав руки под щекой.

За поселком. За лесочком.
На березе голубой
Солнце розовым листочком
Распустилось над землей.

В рожь уселись куропатки.
Всколыхнули утки заводь. —
Это мальчик, сев в кроватке,
Кулачком протер глаза, вот.

Просто было утро раннее,
Просто шли гурьбой мальчишки
И несли бидоны, удочки
И смеялись меж собой.

Шли они тропой росною
Загорелые, весёлые,
И мне просто захотелось
С ними рядышком побыть.

Ах, ты детство – травы мятые.
Ах, ты детство – сказки чудные.
Ты ушло, а я по-прежнему
Так люблю, люблю тебя.

Пилю сосновую доску¹
И погружаюсь в тоску
По деревне, по леску.

Где прохлада –
В полдень надо.
Озерцо –
Умой лицо.

А взгляни-ка,
Земляника
И сочна,
И яснолика.

И черника,
И грибы, –
Наклонялись
Только бы.

Мы на травке
У тропинки
Полежим
Рядком на спинке.

На пригорке
Посидим,
За облаками
Последим.

Вынем хлеба
Из карманов.
На всех разделим
«Без обманов»

Так тропинкою лесной
Мои друзья идут со мной.

Нам по десять с небольшим,
И никуда мы не спешим.

Ах, смолистая доска! —
По родным местам тоска.

ПОСЛЕДНИЕ ИДЕАЛИСТЫ

Дети войны –
Последние идеалисты страны.
Больше таких она не родит,
Вышел лимит.

Как мне хотелось участия,
Хлебушка хоть пожевать...
Глупое детское счастье –
Зла никому не желать.

Там было надежно, там было тепло
Почти что в любую погоду.
А сколько воды с той поры утекло!
И жаль мне утекшую воду.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Дети войны. Дети войны.
Много на вас накопилось вины.

И первая страшная ваша вина
В том, что на вас накатилась война.

А вторая вина, она первой страшной –
Ваших отцов поубило на ней.

А потом как из прорвы вина за виной,
Словно в море кипящем волна за волной.

Дом малюток, приемник, детдом и РэУ*.
Как тропинки, что вас выводили к добру.

Пусть надежда на счастье была далека,
Все же есть койко-место и флажок у станка.

И скажу, не впадая ни сколь в похвальбу,
Что страна поднималась на вашем горбу.

И, казалось, что скоро, лишь чуть подождать
И сойдет на родную страну благодать.

Да пришли демократы из чуждых земель
И давай поучать: как вы жили досель?

Ведь заводы не ваши. Не ваши поля.
И не ваша исконная ваша земля.

Даже этот, на случай печальный, припас,
Будто воры украдкой украли у вас.

И что всё ещё живы – вам ставят виной...
Неужели исход невозможен иной?

Дети войны. Дети войны.
Боже! На ком еще столько вины?

*РэУ – ремесленное училище

* * *

Плачет маленький мальчик.
Плачет от всей души.
Мальчику больно пальчик,
Мальчик пальчик ушиб.

Ему ничего не мило.
И солнце, и дождик не мил,
Ведь боль, как стена, заслонила
От мальчика целый мир.

Но знает он правду простую,
И, плача, он к маме идёт,
А мама на пальчик подует –
И пальчик тотчас заживет.

Смотрю из далёкого детства
Глазами моей души.
Так, видно, глядят на наследство
Или на миражи.

Пусть солнышка там маловато.
И мало любви и добра.
И было ли это когда-то,
Или придумал вчера.

Вот здание детского дома.
Вот мальчик. Его друзья.
И так это всё знакомо,
Что сроду забыть нельзя.

А то, что неразличимы
Почти все детали лица?..
Всё ж это даёт мне силы
Нести свой крест до конца.

ОДА МАНЕВРОВОМУ ПАРОВОЗУ

Отживает век твой, отживает,
Трудыга наш коняга-паровоз,
Хотя ещё и сил вполне хватает
Тебе тянуть давно привычный воз.

Ты с нами шёл к горе Магнитной
И на Турксиб и на Амур.
Такой судьбы, судьбы завидной
Не выпадало никому.

Уходит время, мы вдогонку,
И где тут нам передохнуть.
Ты, не спеша сошёл в сторонку,
Освободив другому путь.

А тот, другой, он весь – движение.
Он молод, строен, полон сил.
О, как красив он в нетерпенье,
Ведь каждый в юности красив.

Вот он, вот он в соей сбруе новой
Скользит по рельсам, как по двум лучам,
И, вдали увидев маневровый,
Пролетел, успев лишь прокричать:

– Что, старина, гудишь еще поди-ка?
Поговорил, да некогда, секундой дорожу.
И старый конь, копытами потикав,
Заржал в ответ: Гужу, сынок. Пока еще гужу-у-у!

Места родные, вас мне не узнать,
Стою растерян: те ли вы? не те ли?
Неужели здесь когда-то мать
Родила меня на самом деле?

Да, да. Я, кажется, припоминаю:
Деревня. Луг. Тальник. Река...
Картины детства, словно птичьи стаи,
В тумане памяти качнулись слегка.

А в тех картинах есть такой парнишка,
Он, может быть, похож и на меня.
То он в ночном. То тащит удилишко.
То просто там, где шум и ребятня.

Пусть ярких красок в них совсем не много,
Я не устану ими дорожить,
Они мне дороги, как эта вот дорога,
Ныряющая в омут ржи.

И хоть весь я просолен городом,
Сердце с болью сожмется в груди,
Когда вдруг угляжу над угором
Деревенский дымок впереди.

Дальняя, близкая сердцу родня,
Когда-то давненько здесь бегал и я.
И вот среди горницы на табуретке
Сижу я как гость, городской весь и редкий.

Тихие в сенцах слышны голоса.
В блюде с вареньем увязла оса.
Дремно на солнышке жмурится кот.
Маятник мерные доли кладет.

Долю – налево. Долю – направо.
Старое фото. Солдатики brave.
Пристально смотрят они в объектив.
Где-то звучит новомодный мотив.

В окна виднеется луг травяной –
Край мой сибирский. Край мой родной.

КОЛАРОВО (село Спасское)

Неужто это ты, моя деревня,
Я в восхищении стою перед тобой.
Все так же Томь течет, чуть-чуть как будто дремля,
Вся в зелени, полоской голубой.

Еще есть дворики, которых в детстве знал,
Калитки старые и ворота.
И церквушка, где часто я играл,
А дальше луг для выгона скота.

Здесь я родился, но где домик тот,
Что ведает, как делал первый шаг?..
Вот мальчик скутер вывел из ворот,
И гул мотора зазвенел в ушах.

Иду к тебе в объятия твои,
Ты – моя мать, во мне твое раздолье.
И как подарок мой прими стихи мои,
Хлебами пахнут чуть и, может, столько ж – солью.

Пусть нет родного домика, ну что ж,
Хоть поброжу проулками твоими.
Ведь ты еще кого-то нынче ждешь,
И я, быть может, повстречаюсь с ними.

ГОЛОС РОДИНЫ

Люблю бывать в родной деревне,
Там в палисадниках деревья.

Там в огородах «журавли»,
Чтоб брать из недр сок земли.

Там на окошках занавески,
За занавесками герань.
Там даже окрик самый резкий
Не ощущается как брань.

Там каждый, встретившись с тобой,
Поднимет кепку над собой.

А на столбах, как страж ворот,
Поет петух, иль дремлет кот.

Там можно встретить амазонок
На резвоскачущих конях...
Там голос Родины с пеленок
Вошел в меня.

Пойдем, девчата, в лес
За ягодкой-смородиной,
Пусть эти десять лет
Как будто и не пройдено.
Останемся по-прежнему
Мальчишками, девчонками,
Мы изменились внешностью,
А песни так же – звонкие,
И мысли те же – светлые,
И те ж сердца – горячие.
Друзья мои заветные,
А как же быть иначе нам?
За эти десять лет,
Что нами шумно прожиты,
Другие через лес
Тропиночки проложены.
А мы возьмем плетеные
Детские лукошки,
Не нами проторенные,
Измерим все дорожки.
Пойдем гурьбой шумливою,
Лес оглашая смехом,
И станет детство милое
Нам откликаться эхом.

ЛЮБОВЬ-ЛЮБОВЬ

Где ты, моя первая
Робкая любовь,
Что босою бегала
И пасла коров.

Что весной носила
Цыпки на ногах.
И была красивой
И ко мне строга.

Помню я лужайку,
А на ней – цветы.
– Зайка-вображайка! –
Мне сказала ты.

Помню и косички
/Мой предмет потех/,
И глаза-лисички,
И журчащий смех.

И ту лужу-речку,
Что у самых хат,
Где с утра до вечера
Гам стоял ребят.

Где теперь ты? Где ты?
Отзовись! Взовлнуй!
Всё горит нелепый
Детский поцелуй.

ПОРТРЕТ ДЕВОЧКИ

Две тоненьких косички –
Две ветки на весу.
Глаза, как две синички,
Порхают по лицу.

По фартучку по белому
Рассыпаны цветы.
Спроси: Кто эта девочка?
И я отвечу: Ты!

Не опускай свои ресницы,
Не опускай. Не опускай.
Пусть целый мир на них дивится,
Пуškai, пускай. Пуškai, пускай.

Пусть каждый, встретившись с тобою,
И взглянув лишь. И взглянув лишь,
Увидит небо голубое,
А в небе – стриж. А в небе стриж.

И станет день и чист и ясен
Из века в век. Из века в век.
Как мир хорош и как прекрасен
Сам человек. Сам человек.

ДВАДЦАТАЯ ВЕСНА

На улицах весенних – тишина.
На улицах весенних – теплый дождь.
Вдали как будто песенка слышна.
Наверно, это ты ко мне идешь.

Ручей спешит к ручью. Река – к реке.
Друг к другу ветви тянут тополя.
Ну где же ты? В каком ты далеке?
Куда идти, чтоб встретить мне тебя?

Как много в мире сёл и городов.
А к ним ведут различные пути.
Я землю всю один пройти готов.
Одно боюсь: Тебя бы не пройти.

На улицах весенних – тишина.
На улицах весенних – теплый дождь.
Уже пришла двадцатая весна,
А ты все не идешь и не идешь.

За рекой, за рощицей
Зорька разгорается
И в реке полощется,
Струйками играет.

Словно дева перед сном
Вышла прохладиться
И от глаз людских тайком
Телом освежиться.

Гаснет в небосводе
Зорька золотая –
Из воды выходит
Дева молодая.

Моё сердце что-то
Нежно замирает,
Видно ждет чего-то,
А чего – не знает.

По какой, неведомой мне силе,
Ты пришла, стоишь вот у причала.
Ты ж мне ничего не говорила.
Ты ж мне ничего не обещала.

Я и сам тебе при нашей встрече
Ничего такого не поведал.
Просто я сказал, что в этот вечер
Навсегда из города уеду.

Без печали я смотрю, без боли,
На тебя своим мальчишьям взглядом.
Просто мы учились в одной школе.
Просто жили мы с тобою рядом.

Пароход отходит от причала,
Словно птица, крыльями бушуя.
Что-то сердце громко застучало:
– Веришь? Жди!
Уж скоро напишу я!!!

В гулких переходах коридоров
Отзвенели все мои звонки.
Ты скажи мне, что с тобою, Лора?
Что ж молчишь и не подашь руки?

Отчего сегодня ты невесела?
Ты ж всегда весёлою была.
Как сдала ты нынешнюю сессию?
Как твои домашние дела?

У тебя в зачётке «хор.» и «отл.»
За порядком в доме смотрит мать.
Может быть, тебя тревожит что-то?
Ты скажи, и я смогу понять.

Отошли подружки чуть в сторонку
Не спешат, большой ведь перерыв.
И стою – дипломник! – пред девчонкой,
Обо всём на свете позабыв.

Люблю ненастную погоду,
Когда архангелы с небес
Льют потрясающую воду
Во удивление очес.

И впору нам садиться в лодки
И из подъездов выплывать...
Сияют в лужах самородки,
Да неохота доставать.

Но отвернув борта «сапожек»,
И мокрый весь, как водолаз,
Иду-плыву на свет окошек
В надежде – в них увидеть Вас.

На свете много улиц есть,
Но у меня в груди
Живет одна. Одна из всех,
Где я люблю бродить.

Как только я сверну в нее –
Я знаю наперед, –
Девушка с колясочкой
Навстречу мне идет.

Глаза, как будто бусинки,
Лежат в коляске той.
Дома вокруг. Весна вокруг.
И воздух голубой.

Когда мы повстречаемся,
Хочу я ей сказать:
– Позвольте мне, пожалуйста,
Коляску покатать.

Но только лишь открою рот
И вновь смолкаю я
– В мои года должна бы быть
Колясочка своя.

Но каждый день в условный час
Меня сюда влечет, –
Девушка с колясочкой
Навстречу мне идет.

Нет, я не жил, я дни влачил уныло.
Во мне душа, казалось, умерла.
Пришла любовь и дали озарила,
И я пошёл, куда любовь звала.

Я шёл и пел. И вдруг сгустилась мгла.
Прекрасная со мною пошутила –
Она меня на миг лишь посетила,
И, рассмеявшись, тотчас же ушла.

Стою и тщетно память напрягаю:
Зачем я здесь? Куда идти? Не знаю.
И стыну весь, а сам горю в огне.

Душа, как луч, хранит любви сиянье.
Спасибо, жизнь, – средь вечного страданья
Ты светлый миг всё ж уделила мне.

Был вечер тихий и с луной.
Я брёл по улицам без цели,
И в голове моей звенели
Стихов осколки вразнобой.

Хотел я что-то сочинить.
Такое что-то, чтоб звучало,
Да жаль, ничто не получалось,
Чтоб вас приятно удивить.

А ноги принесли меня,
Представьте, к вашему окошку,
И постоявши там немножко,
Ретировался скромно я.

И вот с поникшею главой
Пустился я в мой путь обратный
И как, мне вовсе непонятно,
Стих появился сам собой.

И я принёс вам этот стих
В подарок,
Как игрушку – дети.
И если что...
На этом свете
Простите.
Бог на том простит.

Я не открою ваше имя,
Не потревожу давний сон,
Где были мы совсем другими,
И я был тайно в вас влюблён.

Я помню голос ваш весёлый,
Он всё витает надо мной:
«Расти скорей! Окончишь школу –
И стану я твоей женой!...»

Смеялись сёстры. Мать молчала.
А сердце рвалось из груди.
О, светлый миг, начнись сначала.
Постой. Постой. Не проходи.

Неужто так решили боги
И вам открылись жизнь назад,
Ведь до сих пор вы одиноки,
И до сих пор я не женат.

Когда порой в моё жилище
Вы заходили, всякий раз,
Ставало там светлей и чище.
От ваших рук. От ваших глаз.

И всё, о чём вы говорили,
И всё, о чём вы умолчали,
Вдруг обретало смысл и линии
И трогало необычайно.

Потом спешили попрощаться,
А мне бы следом побежать.
Просить, молить, в ногах валяться -
Любой судьбою удержать.

Но вновь и вновь, чуть прикоснулись
К душе моей, и вас уж нет.
Пошли. Ушли. Не обернулись.
И, словно, выключили свет.

* * *

Бог есть! Я знаю, знаю –
Тебя мне он послал.
Тебя, моя родная,
Мой милый идеал.

Я жил и вроде не́ жил,
Ни в яви, ни во сне.
Но, словно, струи свежие
Он пробудил во мне.

От робости немея,
Ему хвалу пою
За то, что я имею –
Любимую мою.

* * *

Дайте мне Вашу руку,
И я обогрею в моей –
Каждый пальчик озябший,
И каждую жилку на ней.

Дайте мне Вашу руку,
И я поцелую её.
И пусть потом разорвётся
Несчастное сердце моё...

ЧАЕПИТИЕ

Посидели. Чай попили.
Кой о чём поговорили.
И за убранным столом
Просто так сидим вдвоём.

Я смотрю не отрываясь:
От лица Ее и рук,
И борясь с собой и маясь
От сердечных тайных мук.

А Она вздохнёт и взглянет —
Так, как будто невзначай...
Что ж меня сюда так тянет?
Неужели только чай!

Вам нынче только девятнадцать,
Счастливых девятнадцать лет.
И я когда-то, вам признаться,
Ходил таким же по земле.

И был немножечко тщеславен
И думал – многое смогу.
Кто не мечтал из нас о славе
На том далёком берегу.

Но время сделало иначе.
Иначе сделало.... И я?
И я остался для себя,
Как нерешённая задача.

Жизнь не умеет повторяться,
Но я увидел вас и вдруг.
Мне снова только девятнадцать
И столько нового вокруг.

И вновь надеюсь я и верю,
Что будет всё, как захочу...
И в крепко запертые двери
Я сердцем трепетным стучусь.

Девушка письмо мне написала.
Девушки мне не писали прежде...
И она как будто угадала –
О давнишней о моей надежде.

Меж ребят я худшим был едва ли
И, быть может, зная правду эту,
Девушки им встречи назначали,
А меня как будто бы и нету.

Оттого я с ними был все тише,
Лишь в душе теплился хрупкий светик,
Что когда – нибудь мне все – таки напишет
Самая красивая на свете!

Вот и я держу в руках конвертик
С почерком красивым адресата,
И как будто я не в комнате, поверьте,
А как будто я, поверьте, среди сада.

Ах, как бьется! Как тоскует сердце!
Почему? О чем? И сам не знаю...
Дорогое, милое конвертце, –
Ты, наверно, прибыло из рая?

Кто она? Встречались ли мы прежде?
Хороша ли? И какое имя?
Вот и стали прежние надежды –
И реальны, и осуществимы...

Только вдруг – ни выхода, ни входа.
Грудь моя кровоточит, как ранка:
«Приезжайте срочно... С мамой плохо.
Извините. Ваша квартирантка».

БУКЕТ УВЯДШИХ РОЗ

Стоит в моём стакане
Букет увядших роз.
Уж скоро месяц канет,
Как я его принёс.

Он занял дальний угол
На письменном столе
И там, как будто уголь,
На пепле и золе.

А ведь иную участь
Я загадал ему.
Но я об этом лучше
Ни слова. Никому.

Взгляну. И станет горько.
И не сдержать мне слёз...
И это знает только
Букет увядших роз.

* * *

Кудрявый мальчик Купидон,
Как мотылёк, вокруг вас резвился...
Тут я – случайно – появился,
Не мысля, что затеет он.

Пустил он стрелку наугад.
И стрелка взвилась. Взвилась. Взвилась.
И прямо в сердце мне вонзилась,
А я ни в чём не виноват.

ЭЛЕГИЯ

Когда сержусь. Когда грущу.
Когда... хоть плачь подчас.
Я с Вами встречи не ищу,
Но всюду встречу Вас.

Когда смеюсь. Когда пою.
Когда... люблю весь свет.
Я Вам несу любовь мою,
А Вас повсюду нет.

И кто он, силы неземной,
Не моего ума,
Так злобно шутит надо мной?
Иль это жизнь сама...

К НАТАШЕ

Ах, сжальтесь надо мной, Наташа,
Мне всех больней немилость ваша.
Я виноват, что вас люблю,
Что вас на улице «ловлю».
Но я прошу меня простить,
И, если можно, пригласить
Как-нибудь на чашку чая –
Я, страх, как по нему скучаю.
Или у вас в делах запарка?
Или кончилась заварка?
Иль женихи тому виной?
Ах, сжальтесь, сжальтесь надо мной!

* * *

Зачем непрочный луч надежды
Вы поселили в сердце мне?
Уж лучше бы я жил как прежде –
Совсем от жизни в стороне.

И знал бы лишь свою работу,
Трудился бы и не пищал.
А воскресную субботу –
Себе лишь только посвящал.

Теперь не знаю: что мне делать?
Теперь не знаю: как мне быть?
Не мальчик я за Вами бегать.
Но и не старец – позабыть.

Стынет речка, стынет речка.
Стынет речка подо льдом.
Ах, болит. Болит сердечко
По дружочке дорогом.

Сколько раз мы с ним сидели
Под раскидистой вербой.
И молчали, и смотрели –
Просто так перед собой.

Пароход ходил красивый.
В берег билася волна.
И уплыл-уехал милый,
И осталась я одна.

Далеко он и не слышит,
Как река во льду течёт...
И письма мне не напишет,
И привета не пришлет.

Вот поднялся Сивер резкий –
По льду змейки потекли.
И на вербах, как подвески,
Захрустели хрустали.

Нет, не все, что было – худо.
Впереди не всё – темно.
Потому и верю в чудо.
Верю в чудо, все равно.

Мы стали несдержанны оба.
Ведь, кажется, нету причин –
То вдруг мы молчим до озноба,
То вдруг до кипенья кричим.

А нет чтобы рядом присесть,
Взять в руки ответную руку,
И честно, как лучшему другу,
Открыть свою душу, как есть...

Давай, пойдём на лыжах в лес.
Давай, как встарь поверим снова,
Что солнце розою бордовой
Нам шлёт привет с холмов небес.

Встаёт природа ото сна,
Смотри, как голубеют дали.
Вот мы и перезимовали,
Ты слышишь, милая, – весна!

Ты слышишь? Слышишь, о любви
Поют таинственные звуки...
Нет. Не погубят мои руки
Того, что создают твои.

Её любви достоин гений,
А я-то здесь, спроси, зачем?
Ведь неземных её видений
Мне не дано воспеть ничем.

Ни кистью. Ни резцом. Ни звуком
Не объяснить её огня.
А слово? Слово – это мука,
Свалившаяся на меня.

Вдали – хочу с ней объясниться.
Вблизи – теряюсь и молчу,
Есть столь всего, чтоб усомниться,
А вдруг напрасно хлопочу.

Нет. Лучше мне болты крутить.
Нет. Легче мне стихи издать,
Чем эту женщину любить,
Чем этой женщиной страдать.

Но есть какая-то отрада
В томленье сердца самого...
И в этом – высшая награда,
И выше нету – ничего.

Идёт ли дождь, иль ветер резкий
Толкает в грудь. Я снова здесь.
Смотрю, смотрю за занавески
И не могу глаза отвести.

И час, и два опять минуло,
А как мгновение одно.
Ну, хоть бы тень в окне мелькнула,
Хоть колыхнулось полотно.

Ах, сжальтесь, милая Наташа,
Над тем, кто любит Вас и ждёт.
Пусть красота весь мир спасёт...
Его спасёт – улыбка Ваша.

* * *

Сияет друг как в дни получки.
Спешит. Летит куда-то в ночь.
О! Мне знакомы эти штучки,
Почти такие же точь-в-точь.

Пусть нынче я и не играю,
Весь пламень попусту сгубя,
А за него переживаю
Как... за самого себя.

Вижу за метелями дальнюю околицу,
Огонек в окошечке, который ты зажгла.
Здрасьте-пожалуйста, как твое здоровьице?
Здрасьте-пожалуйста, как твои дела?

Нынче на ферме у вас работы множество.
А зимой, тем более, забот невпроворот.
Как ни старайся, за сутки не уложишься,
Да и в институте экзамены вот-вот.

Здесь у нас деревья от морозов колются,
Ну а я, ты знаешь ведь, не из того числа.
Здрасьте-пожалуйста, крепкое здоровьице.
Здрасьте-пожалуйста, на все сто дела.

Пусть судьба нефтяника очень беспокойная,
Мы перед сельчанами себя не посраим.
Ну, а любовь твою берегу достойно я,
Вот приеду в отпуск, и поговорим.

В печке полешки потрескивают весело,
Пахнет осинником в комнате большой...
Я тебе желаю зимнюю сессию
Сдать на «отлично» и на «хорошо».

Виджу за метелями дальнюю околицу,
Огонек в окошечке, который ты зажгла.
Здрасьте-пожалуйста, как твое здоровьице?
Здрасьте-пожалуйста, как твои дела?

Люблю я зиму. То ли дело.
Утро. Солнце. Синева.
Глянь-ка, роща разоделась
В блёстки. Шубки. Кружева.

По накатанной дорожке
Мы идём с тобой вдвоём.
На берёзах, как серёжки,
Снегири горят огнём.

Ты ли веточку задела,
Набежал ли ветерок –
Заискрился белый-белый.
Горностаистый снежок.

Отряхнула. Обернулась.
А в глазах – огни, огни.
Обернулась. Улыбнулась.
Прокричала: Догони!

Догони меня, ты слышишь,
Догони!
И я бегу.
О, эти лыжи! Эти лыжи!
О, эти варежки в снегу!

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Хорошо по городу в вечерний час
Прогуляться, разгоняя дрёму.
Идёшь. Идёшь. И всё как в первый раз.
И всё как будто бы в цвету черёмух.

Ты молод. Счастлив. Рад своим годам.
Ты полон весь надежд и ожиданий...
Оделись в шубки даже провода,
И фонари, и тополя вдоль зданий.

Ты не спеша, бредёшь туда, сюда.
Ты в переулки сонные заходишь.
И на чьих-то маленьких следах
Какой-то знак таинственный находишь.

В светящиеся окна смотришь ты,
Как будто там тебе должны явиться
Тобой навек любимые черты,
Что и Венере с ними не сравниться.

И после, в полуночной тишине,
Вдруг оживут в твоём воображенье:
И звук шагов. И силуэт в окне.
И белых-белых лепестков круженье.

Разрешите с вами познакомиться
И немного проводить домой.
Вечерами, когда ветер колется,
И снег метёт и всё никак не кончится,
Так бесприютны улицы порой.

Я не буду задавать вопросов,
Вы устали, я уж помолчу.
Но в проулках, где лежат заносы,
Как белые лохматые барбосы,
Какой ни есть я след вам протопчу.

И у подъезда голову морочить
Не стану я пустяшной болтовнёй.
И, чтоб прощанье было покороче,
Я пожелаю вам спокойной ночи,
Приятных снов, а сам пойду домой.

По той тропе, где только что прошли вы
И где ещё чуть различим ваш след,
Как юноша загадочно-счастливый,
И пусть сосед по койке молчаливо
Шуршит всю ночь подшивками газет.

Пуškai шуршит. Пуškai себе читает.
Я понимаю – парень с буровой.
Смотрю, как в форточку снежинки залетают,
Их свет привлёк. И вот, бедняжки, тают.
Как хорошо. Как грустно. Боже мой!

* * *

Февраль снега протёр на тёрке
И холодам подвёл черту.
Я в старом парке возле горки
Тебя впервые в жизни жду.

В той шубке, памятной до боли,
Пришла ты мной повелевать.
И я послушно, как невольник,
Готов приказы исполнять.

И вот, смешной и оробелый –
Ни жив, ни мёртв – иду с тобой...
А снег валит! Он белый – белый...
Он белый – прямо голубой!

Ах, зачем к нам приходит весна?
Ах, зачем зеленеют сады?
Я хотел о любви рассказать –
Испугался твоей красоты.

И куда я теперь ни пойду,
Твоё имя шепчу я любя,
Неужели себе на беду
В этой жизни я встретил тебя.

Пусть на улице дождь проливной,
Я унять его не молю.
Ты спроси. Ты спроси, что со мной.
Я отвечу. Отвечу: Люблю.

* * *

Сегодня Женский день
Весенний. Светлый. Яркий.
И женщинам не лень
Принимать подарки.

Я тоже свой кулёк
Несу любимой прятко.
А в нём – живой цветок,
Конфеты и открытка.

– Любимая,– скажу,–
Вот как люблю тебя я!
И ей к ногам сложу
Кулёк свой и себя я.

ГОЛУБИ С МОЕГО ОКНА

Помню, это было и не так давно,
Прилетали голуби на моё окно.
Прилетят. Усядутся на ладонь окна.
Я насыплю голубям ярого пшена.

И воркуют голуби и клюют пшено.
Сев на подоконник, я смотрю в окно.
И смотрю как будто на одних их вроде,
А видится девчонка, что в окне напротив.

Тоже что-то сыпет. Видимо, пшено –
И слетают голуби на её окно.
И шутя, ликуя, и сердясь, шутя,
В голубей играем мы, как два дитя...

Милая, чудная юность проплыла,
Словно голубиных белых два крыла.
Что прошла – не жалко, но хотелось б знать:
Где ж теперь вы, голуби, с моего окна?

* * *

Молодой человек, подождите,
Слышен голос как бы с высоты, –
На минутку сюда подойдите
И для милой букетик купите.
Посмотрите, какие цветы!

Да, цветы ваши просто на диво,
Изумительны, что говорить.
Будет девушка чья-то счастливо
Их к груди прижимать горделиво...
Жаль, что некому мне подарить.

Каждый день по улицам
Я брожу весной,
Даже, если хмурится
Небо надо мной.

Даже, если лужи
Плещут, как моря.
Даже, если стужа –
Хлеще января.

Я неутомимо
Всё хожу, хожу.
Но своей любимой –
Нет, не нахожу.

Может, где-то рядом
Ждёт она меня?
Может, даже взглядом
С ней встречаюсь я?

Где ж она, скажите,
Дайте мне ответ...
Окон общежитий
Негасимый свет.

* * *

Увидел девушку в окне
И как-то грустно стало,
Что эта девушка не мне
Рукою помахала.

Что вот не я. Не я. Не я
Под тополком стою.
И на стекле не для меня
Волшебное – «Люблю!»

ДОМА НОВОСТРОЕК

Мне приятны дома новостроек,
Их окон негасимых огни.
Есть в них доброе что-то такое,
Чем меня покоряют они.

Но один полюбил я особо,
С тем окном на втором этаже,
Где живёт молодая особа,
Та, что больше мне всех по душе.

Нет Её и родней и дороже,
Я желаю Ей счастья навек.
И хочу, чтоб Ей выпал хороший,
Самый славный – в мужья – человек.

Ну, а сам я, как будто случайно,
Под окном, оробев, прохожу,
И про эту священную тайну
Никогда никому не скажу.

Никому не скажу, кто такая,
И друзьям не скажу и родне,
Пусть живёт она, горя не зная,
В светлых мыслях не обо мне.

Ты женщину любил душой поэта
Возвышенно. Светло. Не как-нибудь.
Не унижай её, не знавшей это –
Так волен каждый выбирать свой путь.

Ты, будто вол, тащил свою работу,
А был, как пёс, обруган и забыт.
Но не спеши в том обвинить кого-то –
Ты им прости и не таи обид.

Ведь всё равно жизнь славная чертовски,
Хотя проиграна и в этом и в другом.
Не огорчайся, друг мой, и потом –
Смотри на вещи философски.

* * *

Белые ночи... Белые ночи.
Где моей милой любимые очи?
Где ее стройные ноженьки ходят?
Какие мужчины вокруг хороводят?

Белые ночи... Белые ночи.
В июле вы стали заметно короче.
Но не забылись мне прежние встречи.
Нежные руки. Тихие речи.

Белые ночи... Белые ночи.
Все-таки сердце надеяться хочет.
Если попросим, кто-то ответит...
Может быть, осень? Может быть, ветер?

– Я тебя никогда не забуду! –
Мне сказали, прощаясь со мной.
Я уехал, поверивши чуду,
С окрыленной, как птица, душой.

Я ходил по тайге и болотам.
И всегда, когда было невмочь,
Кто-то добрый, невидимый кто-то
Подходил и старался помочь.

Путь обратный я был, как в полете.
Приезжаю. И вот узнаю...
Что вы! Что вы! Я вас не виню,
Вы мне так помогали в работе.

Неужель было нужно кому-то
Познакомить нас невзначай,
Не успели сказать: «С добрым утром!»
А уже говорим: «Прощай!»

Ты явилась незвано, непрошено,
Как-то сразу, негаданно, вдруг.
Мало в жизни встречал я хорошего,
Да и то выпадало из рук.

Видно, так мне судьбой наказано
И встречать, и терять невзначай...
Ну, прощай же, моя недосказанная,
Недомолвленная, прощай!

* * *

Одинокий фонарь – одуванчик
Отрешённо горит за углом.
Что ж опять, замирая, как мальчик,
Я стою под твоим окном.

Нет, не надо стучать в окошко,
Можно так всполошить весь дом.
Просто я постою немножко,
Отдышусь... и пойду потом.

* * *

Цветы растут на грядках и крапиве,
Среди болот и на окне в горшках,
Но во сто крат цветы себя красивей,
Когда девчонка держит их в руках.

Кажись, всего-то простенький цветок,
Чьим лепесткам девичье сердце верит,
А вот стою, глаза открыв, как двери,
И сил лишившись заступить порог.

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Мне нынче что-то грустно.
А грустно почему?
Ни письменно, ни устно,
Не скажешь никому.

Та грусть в наш век особый
Нелепа и смешна –
Мне нравится особа,
Да замужем она.

Я жил легко, беспечно
До ста лет холостым.
Нечаянная встреча
Всё обратила в дым.

И что-то вдруг случилось
Со мной. Во мне. Кругом.
О, Боже, сделай милость –
Не проболтать о том.

Они целовались на людном причале,
И волны качали причал.
Без клятв и печали,
Как только в начале,
Из самых чудесных начал.

И всё им казалось понятно и ясно,
И скоро им встретиться вновь.
И плакать – напрасно,
Ведь жизнь – прекрасна,
А в жизни – любовь и любовь.

Им было по двадцать, когда расставались
Под шёпот и пение струй.
И годы промчались...
Они целовались –
И горек был их поцелуй.

Мой милый, пора расставаться.
О чём ты вздохнул глубоко?
Поверь, что и мне оставаться
Одной здесь совсем не легко.

Не знаю, что станет, что будет,
Зависит, родной, от тебя.
А то, что подумают люди,
Пусть совесть им будет судья.

За миг этот светлого часа
Признательна буду судьбе.
А плачу? Так плачу от счастья,
И счастья желаю тебе.

Свети, луна. Свети, подруга.
Свети. Прошу тебя, свети –
Когда кругом бушует вьюга,
Дорогу нелегко найти.

Быть может, он в снегу по пояс
Идет один среди тайги,
Я так, подружка, беспокоюсь,
Уж, ты, родная, помоги.

Пусть он забыл, другую встретил,^{1/6}
Свою любовь в конце пути,
Ты все же, несмотря на это,
Свети ему. Свети. Свети.

Свети, луна. Свети, подруга.
Свети. Прошу тебя, свети –
Когда кругом бушует вьюга,
Дорогу нелегко найти.

ЛЮБОВЬ – ЛЮБОВЬ

В любви я был, как и во всём, разиня.
Но к исходу трёх десятков лет,
Как-то в промтоварном магазине,
Встретил я души моей предмет.

За прилавком девушка стояла
Вся, как цвет, румяна и стройна.
Я взглянул... И сердце застонало.
Тайный голос мне шепнул: «Она!»

В магазин входил я оробело,
На глаза ей как бы не попасть.
На меня косились то и дело,
Будто я намерен что украсть.

И тогда, собрав в кулак всю волю,
Ей записку взял и написал.
Всё про то, про что писалось в школе.
Я забыл. И тут же пострадал.

Вот была потеха так потеха:
«Ну и дядя! Ну и учудил!»
Продавщицы падали от смеха:
«Ой, помрём! Ой, нету больше сил!»

Где ж вы, соловьи мои и розы?
Отцвели. Отпели. И молчок.
Я пошёл. Побрёл, глотая слёзы,
Так тебе и надо, дурачок.

ЦВЕТЫ

Осилив страх,
До темноты
Ищу в лугах
Цветы мечты.

Потом в леске
Блуждал за это
И на пенёке
Прождал рассвета.

Пусть ноги стёр,
Но есть отрада,
Ведь я припёр
Букет что надо.

Цветы, цветы,
Что ж вы молчали?
Искал – мечты.
Нашёл – печали.

* * *

Расскажи, берёзонька, про мою хорошую,
Не могла же милая рядом ни пройти.
За какую вьюгою. За какой порошею
Мне её увидеть. Мне её найти?

Может, мной неузнанной, ходит где-то рядышком.
Может, она думает так же обо мне...
На душе подснежники, да сирень, да ландыши.
Неужели это всё только лишь во сне.

Не зови меня, гармошка, за село.
За день в поле столько снегу намело.
Как же в сумерках к тебе-то я приду?
Как же верную дороженьку найду?

За селом лишь только звёзды в небесах,
Да мороз ветвями стучает в лесах.
А у нас сегодня танцы на селе
И девчата принаряжены уж все.

Только с ними я сегодня не могу –
Милый знаки мне рисует на снегу.
Мы пойдём с ним по дороге за село.
Ну и что, что за день снегу намело!

ДВА КОЛЕЧКА

Ох, недаром, видно, речка
Голубые кольца вьёт.
Возле самого крылечка,
Где любовь-душа живёт.

Может быть, колечки эти
Паренёк давно хранил.
Шёл к любимой, не заметил,
Как случайно обронил.

Покатались два колечка,
В лунном свете померцав...
И теперь течёт там речка
В два потерянных кольца.

Может быть, она иную
О колечках быль хранит.
Сколько речку ни прошу я —
Речка мне не говорит.

Ах, ты, речка, речка, речка,
Мне открой секрет, любя!..
Не боли, моё сердечко, —
Это ведь не про тебя.

Ты хорошая. Ты хорошая.
Ты – берёзка в весеннем лесу.
Только я моей жизни ношу
Не по этой тропе несу.

Каждый путник твою прохладу,
Как судьбу ожидает в пути.
Но меня не зови, не надо,
И что мимо прошёл, не грусти.

Не грусти. Не грусти. Не печалься.
В мире столько ещё парней,
Непременно тебе повстречается
Тот, который идёт по твоей.

Ты простишь меня. Ты же знаешь,
Я ничуть не хочу тебе зла.
Может, где-то берёзка такая же
Очень-очень меня ждалась.

Девушка прошла и улыбнулась,
Может быть, тому, кто был за мной.
Девушка прошла и обернулась,
И как будто всё перевернулось –
Целый мир, лежащий предо мной.

Я давно иллюзий не питаю,
Но остался прежним всё равно.
Я и сам прекрасно понимаю,
Что на крыльях розовых летаю,
И что это глупо и смешно.

Видно, в сердце всё не отгорело,
Да и дева дивно хороша.
Ну, а тем, что что-то усмотрело –
Пусть себе.
Кому какое дело,
Если к свету тянется душа.

ЕЛЕНЕ

У Лены день рождения.
Ей ровно столько лет,
Что я без промедления
Спешу купить букет.

Милей мне хризантемы,
Их элегичный вид
Без всяческой системы
О чувствах говорит:

О вздохах непременно,
О встречах при луне...
Ах, Леночка-Елена,
Вздохните обо мне.

Если бы случилось чудо в этом мире,
Я бы и минутки не думал ни одной,
Обернулся птицей, полетел бы к милой.
«Здравствуй, моя милая, будь моей женой!»

Жили б мы в деревне в избе-пятистенке,
Дымок над трубою. Берёзка под окном.
Палисадник крашенный. Калитка. Сенки.
Ну, а в огороде – колодезь с журавлём.

Вот пришёл с работы. Усталый, конечно.
Споласкиваю руки. Снимаю картуз.
А меня встречает жена на крылечке,
На руках смеётся весёлый карапуз.

«Ах ты, моя лапонька, папина радость!»
В дом вошли все трое. Садимся зоревать.
И всё как положено. Лучше не надо.
И жить нам до старости.
Жить да поживать.

Играет оркестр духовой.
Звучат несравненные вальсы!
Ну что же, родной, не стесняйся...
Пойдем-ка, тряхнем стариной.

Вот, от подружек особо
– Стоит молодая особа.
Ты робость свою погаси.
Иди.. Подойди! Пригласи!

Ведь ты еще вовсе не старый.
И случай -почти, как в кино...
– Ах, я бы пошел, да нету мне пары –
Мои откружились давно.

Голодному снится краюха,
А лысому – кудри до плеч.
И сам я (ни дна мне, ни пуха)
Из братии этой сиречь.

Мечтаю о девушке славной,
Что, может быть, скоро придет
И жестом изящным и плавным
Меня за собой позовет.

Она мне и станет отрадой.
Возьмем нарожаем детей.
Коль в жизни не вышло, не надо
– Я буду в любви богатей.

Выходи, моя подруга,
Вечерком за край села,
От черёмуховой выюги
Вся дороженька бела.

Выходи. Здесь так прекрасно –
Соловей поёт в леске,
И заря, как лебедь красный,
Проплывает по реке.

Вот уже прошла гармошка
Парни, девушки прошли,
Значит, всю они дорожку
Каблуками размели.

Ничего, за лугом, знаю,
Есть тропинка, та – белей.
Только ты, моя родная,
Выходила б поскорей.

ЯЗЫК ТРУДА

*Комсомольцам Сургута
1970 – 1980 годов*

Нам с тобою, товарищ, пройти
Путь положено очень далекий.
Хорошо, когда сердце в груди
Птицей рвется в простор широкий.

Ничего, если кто-то во мгле
Нам кричит озлобленно и хмуро,
Что давным, мол, давно на земле
Отгорели костры над Амуром.

Что не будет Магнитки другой.
И не будет другого ТуркСиб.
Посмотри, как звенит над тайгой
Молодая красивая сила.

Это– нефть Самотлора и БАМ.
Это – стройки КАТЭК и КАМАЗа,
Разве негде, товарищ мой, нам
Приложить свои руки и разум.

Да и здесь на обском берегу,
Где огни буровых в отдалении,

Поднимается город Сургут –
Комсомольск моего поколения.

Значит, нам без того не прожить,
Чтобы рос он светлее и краше.
Будут люди о нем говорить.
Как о городе юности нашей.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Среди земли Ханты – Мансийской
Почти затерянный в лесах
Есть уголок, мне ставший близким,
Где протекает речка Вах.

И там, в кругу берёз и ёлок,
Прижавшись к берегу реки,
Есть небольшой такой посёлок,
И в нём живут буровики.

В посёлке том я не родился,
Всего-то месяц-два прожил.
И ни в кого там не влюбился,
Ни с кем особо не дружил.

Но сердце громко отзовётся
При этом имени во мне –
Я там узнал, что значит нефть
И как она нам достаётся.

ЯМАЛ или 1968 год

В который раз уж вертолёт
Меня везёт на буровую.
Его качает и трясёт,
Как самокат о мостовую.

Летим. Нас шестеро ребят.
И, в общем, ничего парнишки.
Вчера чуть-чуть хватили лишку,
А нынче головы болят.

Кто сидя пробует уснуть.
Кто в думы погружён.
Кто дремлет.
А я, глаза в стекло уткнув,
Смотрю на небо и на землю.

Я мыслями и в будущем и в прошлом.
А настоящее? Хоть сколько хошь глазей.
Оно раскинулось внизу огромной площадью
На сотни вёрст без крова и людей.

Ямал – околица страны.
И до сих пор твой сын ямалец
Глазами древней старины
Глядит смущённо из-под малицы.

Он для меня, как чёрт, как леший,
Как две бутылки на троих.
Он знает лишь своих олешек.
Вся радость – в них.
Всё горе – в них.

Кем станешь ты? Ответить трудно.
Иль неизменен жребий твой?!
А мы летим. Под нами тундра.
И полчаса до буровой.

Мы теперь далёко друг от друга,
Время есть подумать обо всем,
Севера неласковая вьюга
Набросала снегу под окном.

Жизнь ставит трудные задачи,
Нелегко бывает их решить,
Если не с кем беды и удачи
Поровну как с другом разделить.

Оттого и я в пустыне снежной
Об одном молю, чтоб не смогла
Облик ласковый, облик нежный
Застить в сердце холодная мгла.

СЕВЕРНАЯ ЭЛЕГИЯ

Скажи мне: чем тебе потрафить?
Две койки, тумбочка и обстановка вся.
Над койками две фотографии,
И одна из них – твоя.

Сосед сегодня на работе,
А завтра на работу мне.
На самом северном болоте
Мы ищем газ и ищем нефть.

Ты, может быть, уже читала,
Иль слышала такую весть,
Что этой нефти здесь немало,
Что газа очень много здесь?

Что, может, скоро иль нескоро,
Уж как ведется на Руси,
Построят здесь хороший город,
Чтобы театр и такси?

Пока лишь маленький посёлок
И ничего такого нет.
И я смотрю на твой весёлый
И полный нежности портрет.

Ты на портрете, как живая,
Живые, милые черты,
Далёкая и дорогая,
Как мне необходима ты!

Я бы увёз тебя от шума
И толкотни очередей,
Но ты не можешь жить без ЦУМа
И надоедливых друзей.

Пусть говорят: «В разлуке длительной
Находим мы самих себя».
Я верю в ангела-хранителя,
Не знаю: верю ли в тебя.

Но если вьюга в тундре бесится
И рвётся в комнатку мою –
Рука сама собою крестится
На фотографию твою.

БУРОВЫЕ НЕФТЕРАЗВЕДКИ

Видны далёко их огни.
Видны всей нашей Родине.
И здесь, в тайге, стоят они,
Как ёлки новогодние.

И мы выходим на мороз.
К морозу мы привычные.
А небо всё в веснушках звёзд –
Такое симпатичное.

Идём цепочкой, не спеша,
Тропой, в снегу намеченной,
А буровая! Хороша.
Огнями вся рассвечена.

Горят огни. Зовут огни.
И нам с собой не справиться.
Пусть их порой клянут одни,
А нам, другим, вот, нравится.

Не знаем мы, что здесь главней:
Привычка ли, призвание.
Нефтеразведчики в стране –
Ответственное звание.

Но знаем мы, что мы не зря
Те буровые ставили...
А над тайгой встаёт заря,
И мы уходим далее.

СУРГУТСКИЕ АВИАРЕЙСЫ

Пассажир всегда в заботах,
И забот полным-полно,
И в салоне самолёта
Оживлённо, как в кино.

Кто-то, словно на уроке,
Неуверенно прочёл
На панели:
«Ноу смокинг»,
«Фэстн бэлтс»,
И эти строки
Нам на русский перевёл.

Всё семейство то и дело
Улыбалось загорело.
Рядом дяденьки охотно
Говорили об охоте.

Кто похрумкивал конфетки,
Их вертя на языке.
Парень из нефтеразведки
Громко хвастал о тайге.

Но всегда, в любой дороге,
Важно просто отдохнуть,

Примостить удобно ноги
И попробовать заснуть.

Пошуршал салон газетой
И умолк... Лишь слышно где-то
За бортом, как два дружка,
Не смолкают два движка.

Да чего-то шею тянет
Неспокойный мой сосед.
Он, наверно, сургутянин?
Впрочем, может быть, и нет.

Вот и мне вослед кому-то
Задремалось... Но уже –
Над Сургутом, над Сургутом
Самолёт на вираже.

Городок нефтяников
И буровиков
Ты, как мальчик, тянешься
На цыпочках домов,
Чтоб тебя заметили
Как явь, а не мечты,
Чтоб тебе ответили,
Как взрослому, на «ты».
Только не молчали бы,
Мол, парнишка слаб.
Только поручали бы
Важные дела.
Только бы поверили:
Парень он хорош.
Только бы доверили:
Ты не подведёшь.
Мы тебя увидели,
Мы к тебе пришли,
Чтобы стал ты витязем
Нефтяной земли,
Чтобы зори новые
Встали над тайгой,
Чтоб сдружилась молодость
Навсегда с тобой.

На́сквозь промочен и на́сквозь продут,
С мальчишьей отвагою всё принимая,
С приобских излучин глазастый Сургут
Гусей провожает тревожную стаю.

За ними – метели. За ними – снега.
Последний косяк уходящего лета
На ночь облюбует его берега
И снимется в путь, не дождавшись рассвета.

В кепчонке пихтовой по самую бровь
Стоит он под небом, холодным и мглистым.
А ветер срывает с ветвей воробьёв,
Как обветшалые поздние листья.

ПЕСНИ НАД ОБЬЮ

До свиданья, родная сторонка,
Ты не очень сердись на меня.
Что ты плачешь, глупышка-сестренка,
Посредине красивого дня?

– Ты не думай, я вовсе не плачу,
Это солнце мне светит в глаза,
Там ты встретишь свою сибирячку
И забудешь вернуться назад.

Славится край тот хорошо новью.
Славятся люди. Славится труд.
И над Обью, красавицей Обью,
Сибирячки песни поют.

И дорогу я вел в Нижневартовск.
И в балке у геологов жил.
И с каюром, усевшись на нартах,
Трубку я не одну раскурил.

Мое сердце Приобье приняло.
Я признаюсь, что край – ничего.
Мне сестра о любви нагадала,
Ну а я не люблю никого.

Но однажды, весною таежной,
Я взглянул... и в глазах у НЕЕ,
Как в обских омутах невозможных,
Притонилось вдруг счастье мое.

Как же это случилось такое?
До сих пор я не понял никак.
Ах, прощай же, мое Подмосковье,
Я навеки теперь – сибиряк.

Славится край наш хорошою новью.
Славятся люди. Славится труд.
И над Обью, красавицей Обью,
Сибирячки песни поют.

Мы не зря привыкли называться
Именами наших городов.
Слушать я как музыку готов:
«Москвичи». «Смоляне». «Красноярцы».

Каждого в какой-то город тянет,
Назовут – и сердце застучит.
Ну, а я вот просто сургутянин.
«Сургутянин». Разве не звучит?!

Пусть не так. Пускай не очень громко
О себе наш город говорит.
У Оби, почти у самой кромки,
Заглядевшись в дали, он стоит.

Видит он: среди таёжной хмари,
Как в безбрежье на волнах крутых,
Покачнулись мачты буровых,
Где матросы – мировые парни.

Не впервой мне с ними быть в походе.
Нелегко даются нефть и газ,
Ведь не зря по всей стране о нас
Добрым словом говорят в народе.

А народ, он прав, сказал и – баста!
Тут уж не прибавишь, не отнимешь.
«Сургутянин» мне теперь – как паспорт,
Как рабочее моё второе имя.

ПИСЬМО

Если занята не очень,
Если некуда спешить,
Напиши мне пару строчек,
Напиши мне, напиши.

И в посёлок наш вахтовый,
Что теперь мне стал как дом,
Вертолёт придёт почтовый
С дорогим твоим письмом.

Пусть всего две строчки только
Я в конверте получу,
Я нисколько, я нисколько
От того не огорчусь.

И в двух строчках я увижу
Твои карие глаза.
И в двух строчках я услышу
Наших улиц голоса.

И в двух строчках очень много
Различить сумеет взор,
Словно вновь пройду дорогой
Там, где не был с давних пор.

Только я вернусь не скоро
В те края, что мне близки.
Я хочу построить город
У излуч Оби-реки.

Ну, а ты грусти не очень.
И прошу от всей души:
Напиши мне пару строчек.
Напиши мне. Напиши!

ВЕРТОЛЁТЧИКАМ

У нас содружество. У нас
Одна огромная работа.
Над Тром-Аганскими болотами
Легли маршруты наших трасс.

У каждого своя мечта.
Своя судьба. Свои седины.
Пилотов тянет высота,
А нас, геологов, – глубины.

* * *

В тайге вовсю цветёт багульник.
И как цветёт. Ах, как цветёт!
Как будто мёд из диких улей
На буровую к нам течёт.

И здесь озёра голубые,
И на сто вёрст здесь ни души...
А мы ребята молодые
И нам по двадцать с небольшим.

НА ОБСКИХ ПРОСТОРАХ

На обских просторах
Раскинулся город,
Который я славлю трудом и в стихах.
И вспомнить я рад,
Ведь он мне как брат,
Что рос у меня на глазах.

Как нефть открывали
И ГРЭС воздвигали,
И топь отступала, проспектами став,
И как в полный рост
Над Обью встал мост
И первый встречали состав.

Пусть в новые сроки
На новые стройки
Меня вдруг однажды умчат поезда...
И годы пройдут,
Но только Сургут
Уж мне не забыть никогда.

И я не забуду
Подобие чуду
Тот вечер над Обью, в огнях теплоход.

И чайка кричит,
И сердце стучит,
И девушка рядом идет.

Город мой
Над Обью – рекой,
Ты как, друзья, – молодой!

НА ВАХТУ

Я рано встал. Нельзя иначе.
Автобус наш отходит в семь.
И ото сна ещё горячий
Иду, проснувшись не совсем..

Иду путём своим обычным.
Иду. Курю. Немного хмур.
И каждый скажет по обличию
По моему, что я – помбур.

Ещё покуда ни мыслишки
И полудрёма на душе.
С утра пораньше воробышки
Возню затеяли уже.

Уже во мне идёт раскачка.
Уже меня волнует вид:
Вон на траве лежит собачка.
Ишь, какова! Пускай поспит.

Я шаг невольно убыстряю.
Я жизнь чувствую в груди.
И вот уже я догоняю
Девчат, идущих впереди.

Их речь журчала, как криница
Журчит, искрясь в лучах утра.
Я с боку вглядываюсь в лица
Славянок батюшки Днепра.

А небо всё без тёмных пятен,
И свеж июльский ветерок.
И до чего ж мне был приятен
Их украинский говорок!

О, эта славная минута
Всходящего над Обью дня.
Идём мы, граждане Сургута –
Его рабочая семья.

Я, БУРОВАЯ И КОМАРЫ

Я шёл на буровую
По тропке через лес.
На ту. Свою. Родную.
И ни к кому не лез.

Но вдруг из самой чащи
Послышалась возня.
Всё громче и всё чаще...
И сразу на меня

Летят. Клыками клацают.
Ножами – нож о нож:
– Позавтракаем, братцы,
А свежачок хо-ро-о-ош!-

Грозны, как аллигаторы,
И каждый о крылах.
Так что же, узурпаторы,
Мне, значит, дело – швах?

Но не помру я, знаю,
Я не смогу пропасть.
Я «дэту» вынимаю
И вожаку их – в пасть.

Он рожей окривился
И явно поостыл.
И тотчас извинился,
И я его простил.

И думал я, в дороге
Устроив перекур:
Их сотворили Боги,
Чтоб не дремал помбур.

Ребята с нашей буровой,
Хорошие мои ребята,
Мы все живём, как чертенята,
В тайгу забравшись с головой.

На островке среди болот,
В кругу обветренных сосёнок,
Стоит наш маленький посёлок
И рядом маленький завод.

Работа наша несложна.
Наш быт весьма и прост, и скромн.
Но перед нами мир огромен –
И ширина, и глубина.

О нас и в песнях – короли!
В газетных очерках – герои!
А мы – рабочие земли.
И знаем мы, что это стоит.

И всё ж мы грудь вперёд не пятим
Ни перед прессой, ни кино,
Уж так у нас заведено,
И щедро молодостью платим
За нефть – пьянящее вино.

ГЕОЛОГУ ЖЕНЕ

Милая девушка Женя,
Светлая Вы голова,
Из огромного к вам уважения
Пишу я эти слова.

Я тоже, как вы, из разведки.
И с нефтью немного знаком.
И знаю, каким нередко
Она даётся трудом.

Весёлое – ехать – дело
По сваленным в топь стволам,
Когда и мужское тело
Вот-вот затрещит по швам.

И небо готово пролиться
На ёжики наших голов.
И мы, как угрюмые птицы,
Нахохлясь, сидим у бортов.

Пусть мы совсем не герои,
Но смело скажу я о том:
– Мы землю хоть насквозь пророем,
А нефть эту всё же найдём.
И вас, Женя, не подведём!

Люблю вечерком в перекур-передых
Забраться повыше до самых полатей,
Взглянуть и увидеть:
Насколько глаз хватит
Тайга зажигает огни буровых.

Там вышли на вахту знакомцы мои,
Ребята что надо, не сошка-ерошка.
А то, что порой выпивают немножко,
Так самую малость, и больше – ни-ни.

С востока стеной надвигается ночь.
На мачтах огни разгораются ярче.
И сердце во мне бьётся громче и жарче
И хочется крикнуть во всю свою мочь:

– Эй, на вахте, держите по румбу!
Нос по ветру, я чувствую нефть!..
И плывут – каравеллы Колумба –
Буровые разведчиков недр.

НОЧНАЯ ВАХТА

К утру сгоняли «вира-майна»,
Две с половиной как-никак,
Кто буровик, тот понимает,
Что это, в общем, не пустяк.

И вот покуда наш «бурила»
Слегка нащупывал забой,
Вся вахта дружно закурила,
Воссев на лесенке крутой.

Молчали мы, и разговоры
Совсем не нужны были там,
И тонкий дым от «беломорин»
Давал успокоенье нам.

Была проделана работа,
И вахта подошла к концу,
И у соседа от чего-то
Плыла улыбка по лицу.

Вставал рассвет легко и мудро.
В «приёме» булькала вода.
И тихо на ладонях утра
Теплилась хрупкая звезда.

Опять дожди. Опять дожди
Который день напропалую,
Но хошь не хошь, а всё ж иди,
Иди и всё – на буровую.

А что поделаешь? И я,
Кляня начальство и житуху,
Как чёрт, залажу в брезентуху
По всем законам бытия.

И выхожу под дождь, туда,
Чтобы хватать, тянуть, ругаться...
И после мирно отоспаться
От ругани и от труда.

НОЧИ В ИЮЛЕ

Эй, бурматросы,
Бросай папиросы,
Бросай папиросы – пошли «на гора».
Отставить вопросы.
Проверить насосы.
Но, чтоб – кровь из носу –
Сгонять до утра.

А ночи в июле.
Ах, ночи в июле!
Звезда в карауле над буровой...
О чём же, роднули,
Вы нынче взгрустнули?
Ну, глубже вздохнули –
И всё как рукой!

И я, между прочим,
В Пицунде и Сочи
На тёплый песочек не против присесть.
Однако, короче:
Наш труд поворочать.
Не много охочих
И в этом нам – честь!

ПРАКТИКАНТКА

Она зашла на буровую,
Вся от робости светясь.
Куда чистюлю нам такую,
Ведь тут аврал. Тут шум и грязь.

А ей бы выступать на сцене
Или сниматься бы в кино.
– Видать, себе не знает цену,–
Меж нами было решено.

И вот уже раствора пятна
На курточку её легли,
Хотя мы все – вполне понятно –
Ей помогали, как могли.

«Бурила» сам смотрел за нею
Вполоборота головы.
Она, смущаясь и краснея,
К нам обращалась на «Вы».

У нас на «Вы» поблажек нету.
И нету скидок на портрет.
Но по какому-то секрету
К девчонке потянулись этой,
Как майские жуки на свет.

ОТПУСКНОЕ

Прощай, моя спецовка,
Теперь до сентября.
В парадной обличовке
Поеду в отпуск я.

Поеду к морю Чёрному,
Ну, скажем, в Геленджик,
Солёному, просторному
И сразу в море – вжик!

И – и – э – эх!

Заплыть бы на середку,
Да, видно, побоюсь.
И всё же, как селёдка,
Я в море просолюсь.

И на песке горяченьком
Займусь, как головня,
Чтоб дома сибирячки
Глядели на меня.

И чтоб – душа куражная –
Наш дедушка Мороз
За всё за то уважил меня
И не щипал за нос.

ПОСЛАНИЕ В МУШКИНО

/Анатолию Г./

Когда к питью почувешь зуд,
Брось окуней своих и Пойку
И приезжай ко мне в Сургут –
Ужо устроим мы попойку.

Пусть оба мы не кенари,
Знакомиться нам не придется.
Найдём о чём поговорить
И помолчать о чём найдётся.

И за бутылочкой-другой
Воззрим на мир, как на обнову.
Всю жизнь я, словно, дорогой,
В бреду по дружескому слову.

Ведь я не жулик, не злодей,
Дошедший до последней точки.
Хоть и живу среди людей,
А всё равно – как в одиночке.

Уж ты, дружище, как-нибудь,
Или с оказией случайной
Пустьись благословяся в путь –
Обяжешь мя необычайно.

Шесть балков да вышка буровая,
Да тайга насколько хватит глаз.
Как же не сумел я, сам не знаю,
Ещё судьбу припрятать про запас.

Я б теперь извлёк её оттуда
И, уйдя подальше за балок,
На неё смотрел бы, как на чудо,
Отвернув тряпицы уголок.

Там бы и узнал я и увидел,
Кем бы стал я, если бы тогда
Из-за пустячной, в общем-то, обиды
Я менять не вздумал города.

Может быть, я жил в своей квартире.
Был женат. Имел бы я детей.
Всё не так уж сложно в этом мире,
Стоит только очень захотеть.

Видно, я желал тогда не очень,
А теперь вот этого хочу...
Что же ты дождями канючишь, осень,
Мне тоже больно, я же, вот, молчу.

Ми-4, воздух содрогая,
Поднялся над городом. Летим.
Курс на север, там, где буровая
Возле речки с именем Ай-Пим.

А внизу сквозь пелену тумана
Весело мигают огоньки.
И дома, как малые вулканы,
Курят в небо белые дымки.

Ничего, что невелик он ростом,
И лицом похож он на село,
Стать в Сибири городом непросто,
Города растут здесь тяжело.

Всё ж на картах ставятся отметки,
И адреса их люди берегут.
Летят ребята из нефтеразведки
И молча смотрят на свою тайгу.

А тайга и без конца и края
Стоит горда величиим своим...
Где-то там есть наша буровая
Возле речки с именем Ай-Пим.

Кто-то хвалится горами,
Что уходят в вышину.
Кто-то хвалится садами...
Я ж на севере живу.

А у нас зима – белым-белёшенька.
А у нас зима – звенит дороженька.
А у нас зима. А у нас зима...
Сойдѣшь с ума!

Я не юноша, понятно,
Даже мне не двадцать пять.
Вы смеётесь, мне приятно
С головой в сугроб нырять.

Я бы съехать мог примерно,
Мог бы сделать виражи,
Но тогда бы я, наверно,
Вас ничуть не рассмешил.

Купол неба голубого
Алой лентой обрамлѣн.
И опять я бестолково,
Как мальчишка, в вас влюблѣн.

И сейчас мне, в самом деле,
Хоть с макушки колесом,
Лишь бы вы вослед глядели
И смеялись. Вот и всё.

Кто-то хвалится горами,
Что уходят в вышину.
Кто-то хвалится садами...
Я ж на севере живу.

А у нас зима – белым-белёшенька.
А у нас зима – звенит дороженька.
А у нас зима. А у нас зима...
Сойдёшь с ума!

Среди тайги безбрежной,
Как море, островок,
Завьюженный, заснеженный
Стоит мой городок.

Рябины и берёзы
Под окнами грустят
И льдинки на морозе,
Как бусинки, блестят.

А в окнах, словно в скверах,
Цветы вовсю цветут.
Ах, в тех домах, наверно,
Снегурочки живут.

Их дедушки Морозы –
Нефтяники, как есть,
О них в стихах и прозе
Летит далёко весть.

Пусть я ещё не знаю,
Что станет впереди.
Ты – песенка лесная –
Живёшь в моей груди.

И ласково и нежно
Ты в жизнь вошёл мою,
Мой городок заснеженный,
Я тебя люблю.

Далеко, далеко ты,
Даже не увидать.
Можно лишь самолётом
Письмецо передать.

Объ здесь очень большая,
По весне – через край.
Я тебя приглашаю –
Приезжай. Приезжай.

Мне похвастаться нечем,
Но приедешь – поймёшь
И к сосёнке под вечер,
Как к подружке, прильнёшь.

Тихо на воду ляжет
В блёстках звёзд синева.
Нам сосёнка подскажет
Те простые слова.

Те слова не забудешь.
Не шепнёшь невзначай.
Если веришь и любишь –
Приезжай. Приезжай.

Мы засыпаны снегами
Девять месяцев подряд,
А над нами, а над нами
Самолётики летят.

Серебристые крестики,
Лебединые крестники,
Пролетают, пролетают,
Словно что-то говорят.

Ах, сказали мне они,
Что на шатком том причале
Ты стоишь одна в печали
Без подруг и без родни.

За рекой горит закат.
По реке проходит катер.
И о гулкий дебаркадер
Волны нехотя стучат.

Всё ты думаешь, что вот
Из-за той вечерней кромки
Весь в огнях, в веселье громком
Мой возникнет теплоход.

Не такой я человек
И грустишь ты зря, ей-богу,
Вот дострою я дорогу
И вернусь... Уже навек.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Кто он, неведомый художник?
Каков? И в чём его секрет?
На полюс водрузив треножник,
Рисует он. Но чей портрет?

То гений. То пустой марака.
Что хочет в мир провозвести,
Когда проглянет вдруг из мрака
Такое – глаз не отвести?

И мы глядим, как вдохновенно
Творит он эти чудеса.
А буровая – как антенна,
Нацеленная в небеса.

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

На речке лопается лёд.
Трещат деревья от мороза.
И солнце вещее встаёт
Кроваво-красное, как роза.

В куржак одетые кусты,
Как экзотичные кораллы.
И ниспадают с высоты
На них небесные хоралы.

* * *

О, километры, километры
Родной заснеженной земли.
Опять заговорили ветры –
Снега и встали, и пошли.

Пошли стеною, вал за валом,
На лес, на трассу, на дома...
Друзья, поднятые авралом,
За дверь –
их поглотила тьма.

И там, во тьме, под хохот вьюги,
Забыв все начисто слова,
Порой лишь крякнув от натуги,
Грузили «мелочь» в кузова.

До слёз вперёд вперясь глазами,
Как будто уходя на бой,
Они в кабины залезали,
Захлопнув дверцы за собой.

«Уралы» враз рванулись с рёвом.
Один. Другой. Пропал. Исчез.
Туда, где в зареве багровом
С сердцебиеньем нездоровым
Ждала подмоги КНС *.

КНС – кустовая насосная станция

Скоро ль, скоро ль, грусть-тоска,
В сердце успокоишься?
Скоро ль, скоро ль, Обь-река,
Ото льда откроешься?

Говорить не стану, эх,
Против даже слово я.
Унеси всё старое.
Принеси всё новое.

Пусть себе забудется
Всё, что забывается.
А возьмёт и сбудется,
Что и не сбывается.

Чтоб свои рубахи
Парни разрывали.
Чтобы все девахи
Обо мне вздыхали.

Чтоб шептали тихо,
Вроде беспричинно:
— Вон идёт Сочихин —
Ничего мужчина.

ВАХТОВЫЕ РЕЙСЫ

Последний раз. Последний рейс.
– Эй, братики, в машину!
Шофёр уж изошёлся весь,
А мы – наполовину.

Автобус взбрыкивал, как бык,
Попробуй усиди ты.
И в миг бока у всех и лбы
Помяты и побиты.

Хохмач вахтовый не хохмит,
Не тот, что был сначала.
И тут болит и там болит,
И шея, как мочало.

Пусть искры сыпятся из глаз.
О, чёрт! О, Бог! О, мама!
А ты, шофёр, дави на газ
И дуй, дружище, прямо.

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Ещё зима в правах и силе.
Ещё она грозит пургой.
Но мы-то видим: над тайгой
Всё больше краски голубой,
Потом оранжевой и синей.

Открыты форточки балков.
Теплынь... Весна не за горами.
И мастер, погутарив с нами,
Рисует график отпусков.

* * *

Прощайте, вьюги и метели,
Теперь до новой уж зимы.
Но в самом деле, в самом деле,
Соскучились по солнцу мы.

И мне сегодня показалось:
Оно готово нам светить,
Как мать, что сына наказала
И рада малыша простить.

Какая погода! Я даже не верю.
Но лица помбуров сияют: Живём!
Окончилась вахта. На лыжи скорее –
Поздравить тайгу с наступающим днём.

Иду напрямик по упругому насту
Один, никуда ни за чем не спеша.
И всем я – товарищ.
И все-то мне: «Здравствуй!»
В такие часы прозревает душа.

Я вижу и слышу, как, встав ото сна,
Глубоко по-женски вздохнула сосна.

Как шепчет заутреню бабушка-ель,
Покоя в подоле метели кудель.

Как в небе, сияя во всю эту ширь,
Солнце вошло – красногрудый снегирь.

Как чисто и звонко на лёгком морозе
Рассыпалась дятла весенняя дробь....

Я тихонько-тихо о локоть к берёзе,
И сердце невольно взяла оторопь.

И вся-то опушка блестит перламутром.
А прелесть какая – сказать не берусь.
И рыжая модница где-то под утро
Здесь обронила ниточку бус.

Я хожу по буровой
С непокрытой головой.
Солнце знатно припекает
Скоро лето. Бог ты мой!

Скоро лето! Скоро лето!
Это значит... Это! Это!

Я поеду в город Томск.
Прилечу на самолёте.
И в деревню сразу, к тёте.
К остальной родне потом.

Я водителю такси:
Слушай, парень, подвези!
Подвези, имей же сердце,
В гости я, к родне лечу.
Я работаю на Севере
Если надо – заплачу!

Он помедлит, как ведётся,
Ну, а деньги всё ж возьмёт...
И сердчишко вдруг забьётся
И заноеет наперёд.

У древесных стен сельмага
Распрошусь с шофёром я.
Тут как тут детей ватага –
Что за дядька? Чья родня?

Я зайду, куплю им сласти
Так, как будто обещал.
Знал и сам я эти страсти,
Да никто не угощал.

А затем...

Мастер мне орёт, аж в краске.
Что он там, в балке упрел?
Тьфу ты, чёрт, ведь я ж без каски!
Вот и отпуск – в декабре.

Май по-хозяйски ступил на порог,
Взяться за дело решил...
И побежали ручьи дорог
С корабliками машин.

О, как опьяняет простор голубой,
Вроде не пивши, а пьян.
И, словно кузнечик в полуденный зной,
Стрекочет над елями «Ан».

А мы лежим на крыше балка,
Я и рядом мой друг.
Над нами красиво плывут облака,
Как наши мысли, – на юг.

Не зря, ребята, мерзли мы и мокли,
И встречный ветер нам глаза слепил.
Тот, кто в жизни ничего не проклял,
Ничего он в ней не полюбил.

Я сам орал, что силы есть нередко,
Что север мне до черта надоел.
Сибирь моя. Сургут. Нефтеразведка.
Я к вам, друзья, навечно прикипел.

Ведь жили мы, трудились и не охали
На той земле, которой нет милей.
И не ради заработка глохли,
От грохота и рева дизелей.

Мне жаль, конечно, что бывал порою
Несдержанным, а может быть, и злым.
Где мы шагали с нашей буровой
Встают Ноябрьск. Повх. И Когалым.

Пусть главное желанье не исполнится,
Но все равно душа стремится в высь.
И до конца, всю жизнь мне будет помниться:
Сургут. Нефтеразведка, Черный мыс.

И что не зря и мерзли мы, и мокли,
И встречный ветер нам глаза слепил.
Тот, кто в жизни ничего не проклял.
Ничего он в ней не полюбил.

СЛОВО О НИЖНЕВАРТОВСКЕ

*Друзьям-однокурсникам
Алексею и Любе Ерёмченко*

Скупа на солнышко сибирская природа,
Но и щедра. И в свой одарит срок,
Как тех ребят, особенной породы,
Что строят Нижневартовск– городок.

Там в декабре трещат морозы адские
И вьюги сумасшедшие метут.
А в Нижневартовске. А в Нижневартовске
Мои товарищи давнишние живут.

И каждый день они выходят из дому
В тяжёлых полушубках и унтах.
И Самотлор ребятам виден издали
В таких знакомых и родных огнях.

Ты на века трудом друзей воспетый
И славлю я на карте тот кружок,
Где ты стоишь и на твои проспекты
Летит, летит, задумавшись, снежок.

Я много слышал об обских просторах,
О людях, что душою им под стать.

Я так хочу взглянуть на этот город,
Увидеть вас. И руку вам пожать.

Пусть в декабре трещат морозы адские
И вьюги сумасшедшие метут.
А в Нижневартовске. А в Нижневартовске
Мои товарищи давнишние живут.

ЛОМ И КАРАНДАШ

О, как тяжёл ты, лёгкий карандаш,
Как часто ты бываешь не в ударе,
Но я тебе ужасно благодарен
За малость ту. За труд нелёгкий наш.

Мне мастер лом вручал не на парад.
За вахту хоть выкручивай от пота.
Я знаю: лом карандашу не брат,
Хотя и там и тут – работа.

А жизнь как жизнь.
В ней всякое бывало.
То солнца луч. То всё наоборот.
Но счастлив я: моя душа познала
И рифм обворожительный полёт
И поступь тяжкую металла.

ПОЛНОЧЬ В ОБЩЕЖИТИИ

Почему не спится мне?
Потому что не женатый.
А за форточкой в окне
Профиль звёздочки крылатой.

Полуночная сестра,
Мы с тобой единой крови,
Плохо мне, и до утра
Ты стоишь у изголовья.

Ты хотела, чтобы я
Был немножечко везучей.
Ничего, душа моя,
Это только частный случай.

Вот проснусь я поутру
Враз счастливый непременно.
Время движет перемены
К непреложному добру.

Будет жизнь моя светла.
Буду жить в своей квартире...
Ну, а как твои дела –
В том твоём далёком мире?

ЮЖНОМОРСКИЕ СТИХИ

Запах южных городов.
Моря блеск. Дурман садов...
Отпуск только что начался –
Я его вкусить готов.

Просыпаюсь в шесть утра,
Морю Чёрному – Ура!

Я приехал не задаром
Из-за тридевять земель.
Я приехал за загаром
Вот от сель и вот до сель.

Уж меня ты, море, море,
На волне-то покачай.
Я б хотел в твоём просторе
Воспарить, как белый чай.

Вот возлёт на камни мола
Вплоть до тонкого помола.
Пусть до пыли изотрусь –
Ни за что не уберусь.

А из вод выходят девы,
Словно дивные напевы,

Стройные да ладные,
Прямо шоколадные.

Ах!– и ничего не скажешь,
Когда рядышком пройдут.
Да, не зря южане наши
По сто с лишним лет живут.

Вот с чего мои помбуры
Так бывают летом хмуры.

Но...

Как бы солнышко ни грело.
Что бы море ни шептало.
Скоро это надоело,
Даже вот несносным стало.

И, видать, приму как милость,
Вновь в Сургут наш возвратясь,
Ту же синь и ту же сырость,
Ту же грусть и ту же грязь.

Я с ялтинского причала
Кормлю черноморских чаек,
А чуть в сторонке отходит
Шикарный «Голден Орфей».
Погода стоит прекрасная,
Море – необычайное
И набережная Ялты
Полна до краёв людей.

Я из далёкой Сибири
Здесь дикарём отдыхаю.
Давно я томился о море
И вот решил посмотреть.
А с корабля пассажиры
Прощально руками махают
И я им надёжных семь футов
Желаю под килем иметь.

О, сколько – и много, и разных –
Звучит непонятных наречий!
И вот я о чём подумал
И не хочу скрывать,
Что все мы – братья и сёстры
В большом роду человечьем

И нам не мешало б почаще
В гостях друг у друга бывать.

А черноморские чайки
Как и у нас в Сибири,
Только наши пугливы,
А эти – берут на лету.
Но вот, изящней фаянса,
Откуда-то вдруг появились,
И я одну заприметил
В чёрной беретке,
Вон ту.

Если бы я был птицей,
Я бы женился на чайке.
Мы жили бы с ней у моря
И нянчили наших чаят.
Да, видно, давно своё сердце
Я прикрутил на гайки,
Где буровые вышки
У самой Оби стоят.

На тёмном южном небосводе
Ищу полярную звезду.
Привычный «ковшик» взгляд находит,
По краю линию веду...

Вот эта точка болевая,
Что чуть видна, а так болит,
Вошла, как капля пулевая,
Почти под сердце и горит.

И юг. И море. Всё – прекрасно!
Живи и радуйся! А сам
Хоть на мгновенье ежечасно,
Пускай и мысленно, я – там.

Где дождь и снег. И ветер резкий
Уж остудил домишко мой.
И облака, как занавески,
С унылой мокрою каймой.

БАЛЛАДА О ЗАЯЧЬЕМ ОСТРОВЕ

Живу как заяц на Заячьем острове
Без всяких прописок, без всяких бумаг.
Просто
Так.

Моя избушка-насыпушка.
Совсем как дряхлая старушка.
Она под тяжестью лет
Вся в грунт ушла почти на нет.

И мыши дружно без запинки
Ордою сквозь неё прошли
И паклю всю и все опилки
С собой куда-то унесли.

Её трухлявленные доски,
Как будто ветхие обноски.
Едва прикрыта нагота,
Где лишь гостюет теплота.

Под рубероидной косынкой
Два глаза светят чуть с косинкой...
Ну, летом ладно, а зимой?
И то. И сё. И – Боже мой!

Но рад я. Рад я, как зверушка,
Что где-то есть моя норушка,
Что вот приду в неё с работы,
Плиту-печурку затоплю.

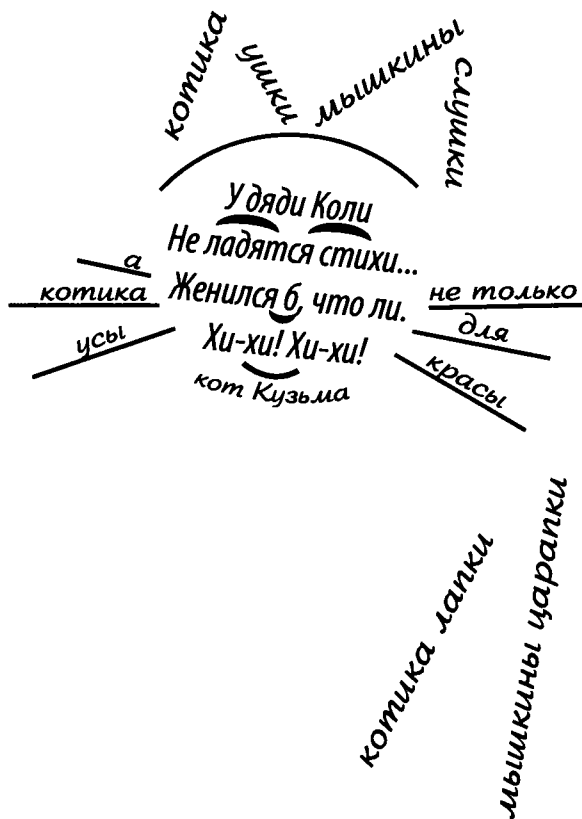
И где они – мои заботы?
И где печали?
У-лю-лю!

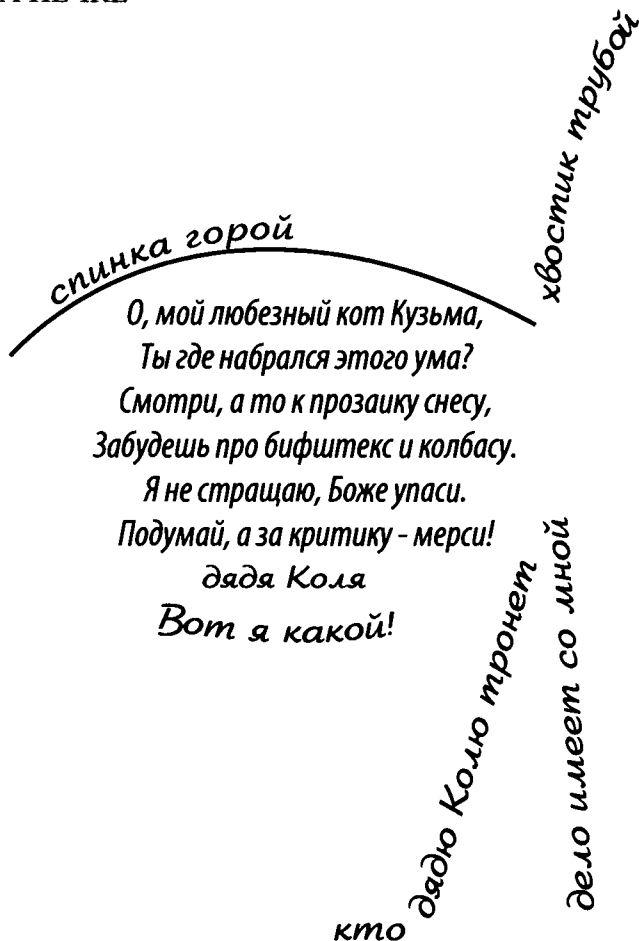
Вот стол у самого оконца.
Вот книг неровная стопа.
Сквозь занавеску – лучик солнца.
Всё – жизнь. Всё – вера. Всё – судьба.

Котик чёрный, как чёртик запечный,
В своей дружбе поклялся мне вечной.
– Что ж, – ответил я, – будем дружить.
И позвал к себе котика жить.

Вот живем мы и, в общем, не тужим,
Как поклялись дружить, так и дружим.
Я работаю на буровой,
Он за домик наш спину горой

Ото всяких пройдох и мышей,
Как придут, он их гонит взашей...
И довольны: мой котик и я,
Небольшая, а всё же – семья.

У дяди Коли
Не ладятся стихи...
Женился б, что ли.
Хи-хи! Хи-хи!

Кот Кузьма

О, мой любезный кот Кузьма,
Ты где набрался этого ума?
Смотри, а то к прозаику снесу,
Забудешь про бифштекс и колбасу.
Я не стращаю, Боже упаси.
Подумай, а за критику – мерси!

Дядя Коля

Котика ушки –
Мышкины слушки.
Спинка горой,
Хвостик трубой.
Кто дядю Колю тронет –
Дело имеет со мной,
Вот я какой!

Котика лапки –
Мышкины царапки.
Котика глазки –
Мышкины опаски.
Котика зубки –
Мышкины погубки.
И котика усы –
Не только для красоты.
А котин язычок –
Молчок. Молчок. Молчок

МНЕ ГОВОРЯТ...

Мне говорят: «Колян, послушай,
Довольно шляться на Парнас!
Ты, вроде, знаешь нашу душу,
Так напиши стихи про нас.

Чтоб были мы в стихах живые,
Чтобы узнать себя могли.
А то везде, коль не святые,
Так – кровь из носу – короли.

Зачем о нас писать такое?
Кому? Какая польза в том?
А кто мы есть. И что мы стоим, –
Мы говорим своим трудом».

Язык труда горяч, я знаю.
Где нефть, он горячей в сто раз.
И если я стихи слагаю,
Товарищи, они – о вас.

И не совру я ни на волос,
Сказав, что я у вас в долгу.
Простите, лучше не могу,
Пою, как Бог поставил голос.
Но вашу просьбу берегу
И ей живу и беспокоюсь.

СЛОВО В ЗАЩИТУ

Я б не хотел слагать стихов.
От всех стихов – одна морока.
И ведь ни званий, ни чинов
И для начальства – грань порока.

Чего уж тут...

Но, между прочим,
Стихи работе не во вред.
И тот, кто впрямь в душе поэт,
Не может быть плохим рабочим.

* * *

«Своих великих надо знать в лицо,
Они не частое явление», —
Сказали мне.
Я на крыльцо
Родного шёл учрежденья.

Привет и вам! Привет! Привет!
Спешу избавить от мороки:
Увы! Увы! Я не великий, нет.
Я — невысокий.

* * *

Зачем стихи пишу?
Откуда же я знаю:
Зачем живу, дышу,
Работаю, мечтаю.

Что всем не примирить,
Не примирить мне тоже.
Так стоит говорить!
И всё же...

Никогда и нигде
Я об этом не каюсь.
Я сгибаюсь в труде,
А в стихах – разгибаюсь.

Друзья, рабочие поэты,
Вы – мозговая кость земли.
Идём, с утра в брезент одеты,
В забои и цеха свои.

Чтоб ещё раз. И вновь. И снова,
Газетным штилем говоря,
Свой тяжкий труд поверить словом
И молвить: прожит день не зря.

Проходчики и сталевары,
И вас самих, ваш стих поджарый
Я уважаю и люблю.
Ну, что там праздные вельможи,
Что на стихах наели рожи,
Пусть их перо ловчей,
И всё же
Я всем нутром их не терплю.

Мэтрованные краснобаи,
Им место в раздевалке бани –
Там философствовать удобнее
Над сутью белья исподнего,
А мы – рабочие поэты

И этой молью не задеты.
Хотя и нам, признайтесь, братцы,
Во многом надо разобраться.

Чтоб по плечу журнальный вепрь
Не хлопал нас с ухмылкой барской,
Науку надо одолеть
Со всем упорством пролетарским.

* * *

Устал, устал. Нет сил, нет сил.
Все, все. Ложусь и сплю неделю,
Ведь сколько грязь я ни месил,
Ее не меньше, в самом деле.

Ну, ладно, что на сапогах,
На рукавицах и на робе.
А та, что на душе, в мозгах?..
Ту отскоблить,
Иди. Попробуй?

* * *

Живу как все. Работаю помбуром.
Есть койко-место около окна.
А то, что я порой бываю хмурым,
Товарищи, не ваша в том вина.

Среди грядущих бурь и потрясений
Мой голос затеряется навек.
Возможно, я поэт. Но я не гений.
И мне дороже всех стихотворений,
Что с вами я знаком как человек.

Друзья мои, я вас люблю,
Что вы не молитесь рублю,
Что не прельщают вас посты,
Что ваши помыслы чисты.

Люблю за то, что вы нигде
Друзей не бросите в беде
И пред зарвавшимся князцом
Вилять не станете крестцом.

Ещё люблю как братьев вас,
Мы все – один рабочий класс.
И, может, тем и счастлив я,
Что вы, друзья, – мои друзья!

* * *

После тяжёлой работы
Хочется лечь и заснуть,
В тёплую тину дремоты
Тихо тонуть и тонуть.

В мыслях — ни слов, ни желания,
Будто бы с этих вот пор
Выключил зажигание,
И остывает мотор.

ВИЗИТ НАЧАЛЬСТВА

Налетело начальства – как воронов.
Раскричались. Раскаркались всласть,
Будто вовсе не люди, а воры мы
И намерены что-то украсть.

Мы стояли, потупивши головы,
И под нами горела земля.
На подбор они были, как боровы,
В шубах все и в мехах-соболях.

А потом позалазили в «бобики».
Прилипалы сновали вокруг.
И умчались тузы-толстолобики.
И подумалось с горечью вдруг:

«Ну откуда у них столько норова,
Столько спеси цепных собак».
Всё начальство работает здорово.
Все рабочие – кое-как.

Как быстры мы на ярлыки
И эполеты.
Ну, что ж мы, братья-мужики,
Совсем уж это...

Доколе кланяться-то нам
И ножкой шаркать
Всем этим шубкам и шарфам
И этим шапкам?

Пусть ценен мех. Что из того –
Товар расхожий.
Ему и место-то всего –
В прихожей.

Мои товарищи – помбуры.
Я тоже, стало быть, помбур.
Когда они бывают хмуры,
Тогда и я бываю хмур.

Опять не клеится работа.
Опять всю вахту нелады.
И что обидно, ведь всего-то
Из-за какой-то ерунды.

Из-за какой-то железяки
Терять приходится полдня.
Сидим на трубах, как казаки,
Султана местного кляня.

Но вот когда предстанет случай
И всё идёт само собой,
Чего уж и придумать лучше,
Ну, хоть пляши, хоть песни пой.

Тогда летаем мы с охотки
По буровой в избытке сил,
Чтоб полновесный метр проходки
В журнал «бурила» заносил.

Мы встали ещё до рассвета,
Спецовку надели свою.
Лети, дорогая планета,
Навстречу грядущему дню.

А день этот радостным будет,
Не зря же мы все поднялись.
Но есть ещё, есть ещё люди...
В потёмках они родились.

Им с нами идти неохота
И песен им наших не петь.
Одна у них цель и забота:
«А что мы там будем иметь?»

Они предо мной похвалялись,
Притворно жалея меня,
Как сами всего добивались
И чёрт им бывал не родня.

«Напрасно стараешься ты,
Пусть лоб твой и мыслью отмечен,
И ты, дорогуша, не вечен,
Приляжешь у той же черты».

Не вечен я, правда за ними.
Напрасно стараюсь – враньё.
Уйду я. Забудется имя.
Останется дело моё.

Останутся скважины в недрах,
Которые я пробурил.
В болотах дорог километры,
Которые я загатил.

И, может быть, сверлит мыслишка,
Пусть даже я вас рассмешил –
Стихов моих скромная книжка.
И, значит, не даром я жил.

Как просто ближнего обидеть.
Втоптать. Унизить. Оскорбить.
Нас научили ненавидеть,
Но кто научит нас любить?

Ну, кто? Ну, кто ответить сможет?
Ведь люди – братья во Христе.
А приглядишься к ним чуть построже
И те – не те. И те – не те.

Все только что-то исполняют.
Везде, куда ни погляди,
Игру какую-то играют
Без всяких правил, без судьи.

И думаешь: «Зачем на свете
Весь этот шум и тарарам?»
О люди, люди, вы, как дети.
Дай Бог, не знать сомнений вам!

* * *

От буровой до буровой
Окрестности – хоть волком вой.

Какие шрамы вижу я,
Какие раны.
Мы не сыны твои, земля,
Твои тираны.

За то, что мы, срывая куш,
Прём оголтело,
Поплатимся уродством душ,
Уродством тела.

Зачем испытывать её,
Она очнётся.
Возглянет на дитя своё
И – отвернётся.

В ДОРОГЕ

– Смотрите, заяц – ух, какой!
Вон-вон, правее, между кочек.
И все затыкали рукой
На серый скачущий комочек.

– Вот бы ружье сейчас, та-та,
И было б к ужину жаркое...
И я подумал: сирота,
День-два и сделают такое.

Осинник, как пожар, горит по косогору.
С него, как уголья, в траву летит листва.
И в стылых небесах, наш огибая город,
На землю гуси шлют прощальные слова.

Уже взялись ледком обские берега,
И, спешно взяв сырьё, отбыли нефтевозы.
Кажись, ещё вот-вот и затрещат морозы.
Кажись, ещё вот-вот и упадут снега.

Природа не спешит пока с последним мигом.
Вот так и мы порой забудемся над книгой,
Хотя её возьмём – листы поворошить.

Глядим, прочитана последняя страница –
Вздыхаем грустно мы: как быстро время мчится.
И медлим, прежде чем на полку положить.

Отстоял я вахту,
Взял я туесок
И пошёл не прямо,
А наискосок.

Там недавно топики
С теодолитом топали,
Ниточку-визирку
Продев через лесок.

Сосенки болотные
Пускают неохотно,
Многие здесь ходят,
Всех не отгадать.

Вчера прошли любители –
Даров заготовители,
Словно проскакала
Вражеская рать.

Только я-то чувствую,
Только я-то знаю...
И ягодку по ягодке
В туес собираю.

Что ещё увидится,
Что ещё найдётся.
И от той находки
Сердце враз зайдётся.

И уже под вечер,
И почти отчаясь,
Вдруг у кромки озера
Кочку я встречаю,

Что на волнах покачивается,
О берег по-ко-лачивается,
Вся в бусинках-горошинах,
До чего хорошая!

Ах, была та кочка
С кучерявым ворсом...
Буду я всю зиму
С ягодой и морсом!

ПЕСНЯ О ГЛУХАРЕ

Картечь прошла его насквозь
И огонёк потух.
Пришли. Повесили на гвоздь
Такую красоту.

А тот, с ружьём, он знал своё,
Он был герой. Он цвёл.
Он был доволен, что её
На мясо перевёл.

Уж каждый в мыслях ел его.
Уж чугунок вскипал.
Глухарь висел и ничего
Уже не понимал.

Не знал он, в чём его вина?
Что с сердцем? Что с крылом?
И в клюве клюквинка одна
Горела янтарём.

От алтайских степей и до карских льдин
Пролегла твоя дорога неблизкая,
Обь-красавица, река сибирская,
Я влюблён в тебя не один.

Белоручкою ты не была никогда.
Ты зимою и летом работница.
На излуках твоих встают города,
Мне их гражданином быть хочется.

У весёлой речушки с названием Ай-Пим
Сколько скважин на нефть было пройдено,
Я горжусь этим скромным причастьем своим
К неотложным делам моей Родины.

Вечер терпко горчит от кедровой хвои.
Лыжный след чуть присыпан порошею.
Сургутяне твои. Сургутянки твои
Мне как братья и сёстры хорошие.

Разольёшься весной – не видать берегов,
Хоть на лодке плыви, хоть на катере.
Сибирячки твои, я поклясться готов,
Все в тебя по душе и характеру.

И степной травостой, и таёжный урман,
И полярного неба сияние –
То сибирский простор, что навеки нам дан,
Берегите его, Россияне!

Каждый, забежавший на Север
С рюкзаком,
Мнит себя по крайней мере
Ермаком.

Нет, я не против, что нефть мы открыли.
Будем ещё открывать.
Против, что снова Сибирь «покорили»
Сколько ж её покорять?

Всякие люди сюда понаехали –
Соколы и пустельга.
И оскудела грибами, орехами,
Ягодой– наша тайга.

Звери ушли и большие и малые,
Дичи совсем не видать.
Чем же потом своих деток побалуешь,
Наша Сибирушка-мать?

Всё перепахано. Всё перемелено.
Свалка везде и вокруг.
Ведь сибиряк, если даже и велено,
Так поступает не вдруг.

Губится всё без зазрения совести,
Вроде во имя мечты.
После об этом слагаются повести
И ... наградные листы.

Может быть, потчую старыми песнями,
Но, умоляю тебя:
Ты сохрани журавлей в поднебесии,
Пусть и сама для себя.

ПРОЩАНИЕ СО СТАРЫМ СУРГУТОМ

Прощай, городок деревянный,
Прощай, дорогой, и прости.
Ты станешь бетонным, стеклянным,
Просторным, красивым и славным,
Так людям на радость расти.

И я не питаю надежды
Остаться таким как вчера.
Давно изнасились одежды,
В которых когда-то я прежде
Ходил на свои вечера.

По струганым тем тротуарам
Средь милых приятственных лиц.
И с крыш улыбались недаром,
Печным отливая загаром,
Железные профили птиц.

И было чему удивляться,
Все как на подбор – крепыши.
По нефти сестрёнки и братцы
И каждому в среднем по двадцать,
Ну, если кому – с небольшим.

Я был и остался рабочим,
Но я не обижен судьбой.
И нынче печалюсь не очень,
Что, может, последнюю осень
Мы празднуем вместе с тобой.

Я вижу: работают краны.
Я слышу: гудят провода...
Прощай, городок деревянный,
С любовью, пусть несколько странной,
Ты в сердце моём навсегда.

Тихие аллеи обнимает сумрак.
Зажигают улицы все свои огни.
До свиданья, город,
Встретимся мы утром.
Ты не обижайся, извини.

Ты прости, что рано в нашем общежитии
Свет погашен в верхнем угловом окне.
Спят мои товарищи.
Спят твои строители,
Трудовые руки разметав во сне.

Милые ребята, что вам нынче снится?
Не берусь отгадывать, не гадалщик я.
Может, приднепровские в вишенках криницы.
Может быть, уральская рудная земля.

Я хочу, ребята, чтоб вы были счастливы,
Вы достойны счастья, может, как никто.
И звезда далёкая к нам глядит участливо
И со мной, наверное, думает о том.

Тихие аллеи обнимает сумрак,
Зажигают улицы все свои огни.
До свиданья, город,
Встретимся мы утром.
Ты не обижайся, извини.

Весь вечер гроза, разойдясь, грохотала
И слушать тот грохот мне было невмочь.
И кто-то по крыше лупил чем попало,
Хотелось пойти и прогнать его прочь.

Казалось: о стены колотятся волны.
Казалось: мы тонем. Спасения нет.
И всё же над городом ровно о полночь
Взошёл по-сибирски июльский рассвет.

И в радость тому, что к утру распогодилось,
Птицы поют и кричат воробьи.
О как ты прекрасна рассветная Родина
В эти рассветные годы мои!

Я встану пораньше. Умоюсь. Побреюсь.
На улицу выйду. Пойду не спеша.
Я знаю, в дороге опять подобрееет
Вчера ещё злая на что-то душа.

Я люблю этот город,
Он рано встаёт
И с весёлым задором
На работу идёт.

Вы, ребята, прекрасны,
Да и я среди вас.
Нефтепроводы, трассы
Заскучали без нас.

И стоит буровая,
Как литой монумент,
Тем, кто, звёзд не срывая,
Был здесь в главный момент.

Кто был лёгкий, как выстрел,
И под дождь, и во тьму.
И о том бескорыстье
Не кричал никому.

Всходит солнышко ясно
Над простором родным.
Здравствуй, город мой, здравствуй!
С новым днём трудовым!

Подули ветры скверные,
Нагнали тучи серые,
И за окном одно и то ж –
Всё дождь, и дождь, и дождь.

Продрогшие прохожие
Бранят забавы божие,
И слякоть сводит их с ума –
Скорей бы уж зима.

Но с голубого донышка
Вдруг улыбнётся солнышко,
И засияет всё окрест –
И нет чудесней мест.

И мы идём по улицам,
И городом любуемся,
И сердцем чувствуем верней,
Что нет его родней.

То не гуси прокричали
Сотоварищей в полёт,
То от берега отчалил
Последний теплоход.

Ах, уплыть с тобой и мне бы,
Мой хороший, добрый друг.
Белый-белый, словно лебедь,
Теплоход идёт на юг.

Закуражатся метели.
Лягут дымные снега.
В ледяной своей постели
До весны уснёт река.

Вскипятив под вечер чайник,
Чтоб не так хотелось спать,
Буду долгими ночами
Письма заново читать.

И в тайге, глухой, далёкой,
На озябшей буровой
Вдруг поверю я в те сроки,
В майский ливень проливной.

Солнце день замесит густо
На улыбках. Тронет лёд.
И опять вернутся гуси
И причалит теплоход.

МОИМ ДОБРОХОТАМ

Вы, о судьбе моей молясь,
Разбить готовы лоб.
И я вам, в том не притворясь,
Признателен по гроб.

«Ты годы лучшие свои
Растратил почём зря.
И нету у тебя семьи
И личного жилья.»

Вы правы, правы
И меня
Вы бьёте прямо в глаз.
Так пусть хоть этим буду я
Не походить на вас.

Я быть в героях не мечтал.
Лазеек не искал.
И я не лез на пьедестал,
И ближних не толкал.

Я жил, как мать внушала мне:
— Быть выскочкою — грех.
Но знаю, что в своей стране
Я был не хуже всех.

И что не столь из чепухи
Вся жизнь моя была.
А что грустны мои стихи,
Так эта грусть – светла.

ВОСПОМИНАНИЕ О НЕФТЕРАЗВЕДКЕ

Ура, романтикам труда!

Они не редкость.

Богата ими как всегда

Нефтеразведка.

Пусть мы не в праздничном строю,

Не на параде,

И вовсе это говорю

Не слова ради.

А ради правды. Той. Одной.

И настоящей.

И тех, кто рядом шёл со мной,

Вперёдсмотрящих.

Нам график нужен был и план,

Нужна зарплата.

И мастером был лозунг дан:

– Шустри, ребята!

Стучал мороз. Серчал мороз:

– Что надо, люди?

И в оборот нас брал всерьёз:

– А то ли будет!

Скрипела кожа, как кирза,

А на ресницах

Сияла бриллиант-слеза,
Что и не снится.

Не для себя мы ищем нефть,
А для народа.
И ты живи, старик, не дрейфь
Во время года.

О, как я счастлив был тогда!
А как был молод!
И чувствовал в душе всегда
К работе голод.

Так мы входили в жизнь. И нас
Тепло на редкость
Благословила в добрый час
Нефтеразведка.

Не сразу встал Сургут как есть
И я по праву
Скажу, что встал он в нашу честь
И нашу славу.

Ребята, милые мои,
Орлы и только!
О вас стихи сложил свои
«Бурила» Колька.

РАЗДУМЬЕ

Когда-нибудь, лет через тридцать,
Я стану стареньким, как дверь,
И я не буду торопиться
На буровую, как теперь.

А буду я в кругу домашнем
Вести семейные дела.
И станет мне совсем не страшно,
Что молодость моя прошла.

И, может быть, к какой-то дате
Я пионерам пригожусь.
О нефти рассказать в отряде
Я никогда не откажусь.

Они меня за стол посадят
И сами сядут поплотней.
И я, в глаза мальчишки глядя,
Припомню были наших дней.

И старческим брызжаньем ржавым
Им утро я не прожужжу,
А как наследникам державным
О самом главном доложу.

Я доложу о той работе,
Что сделали мои друзья.
О нефтяной ударной роте,
Где не последним был и я.

И пусть, сморчок сушёный с виду,
Я вспомню место в том строю.
И словно вновь на смену выйду,
На вахту главную свою.

И так закончу я беседу,
Заслуг не пята напоказ:
Мы просто верили в победу.
Пусть эта вера будет в вас.

КТО Я?

Кто я? Зачем я пришёл в этот мир?
Дело ли сделать в нём?
Молвить ли слово?
Хама одёрнуть? Утешить больного?
Где мой товарищ? Кто мой кумир?

Правильный ты человек, бригадир,
Труд, это верно, он – первооснова.
Как же понять, если рушится мир
Сердца и разума, снова и снова?

Милый мой, есть ли на это ответ?
Видно, ответа такого и нет.

Жизнь многолика и многоголоса,
Пусть ей совсем не до наших вопросов,
Должен какой-то быть ориентир.
Кто я? Зачем я пришёл в этот мир?

НА ПОБЫВКУ

Едем полем. Лес в сторонке.
Ветры волосы мне вьют.
Впереди сидят девчонки
И задумчиво поют.

Еду в отпуск. Еду в гости
По родимой стороне.
Ржи усатые колосья
В кузов просятся ко мне.

В гимнастёрке я, в фуражке
И погоны на плечах.
Белолицые ромашки
Мне кивают: «Добрый час!»

И такая радость в сердце,
Так щемяще на душе.
Вот войду сейчас я в сенцы –
Их отстроили уже.

Мать обнимет и заплачет,
Ведь такие все они.
Но лицо в ладони спрячет:
«Не сдержалась, извини».

Ну, а вечером – вечерка.
В роще смолкнет птичий свист.
Наутюжив гимнастерку,
Я, как ротный баянист,
Не ударю в грязь лицом,
Буду первым молодцом.

Мчит машина. Пыль забором.
Солнце словно из огня.
И девчата свои взоры
Обратили на меня.

Но уже калитки, хаты
По обеим сторонам...
Обнимай, село, солдата,
Не увидит старшина.

МАЙСКИЕ СТИХИ

Май пришел.
Цветы. Зелень.
Как хорошо!
Всюду песни звенят.
Иду по городу –
Аллея к аллее.
Весело. Молодо.
На прохожих глазею.
Площадь. Парк.
А ну-ка зайду.
Сидят пары
Там. Тут.
Скамейку пустую
Найди-ка среди них.
Подумают – тоскую.
Ни-ни.
Вдруг ветерок
Налетел, побежал,
Пыли поток
В переулок зажал.
Без молнии жала,
Без грома созвучий
Выползла и встала
Си-и-зая туча.

Прицелилась прямо:
– Ага, вот прысну,
Тому, кто с дамой,
Прямо на лысину! –
И без лишних речей –
Словесов толчеи,
За ручьем ручей
Побежали ручьи.
Асфальт лижут
Своим язычком.
К витрине под нишу
Пробираюсь бочком.
Спрятались все,
Лишь авто визг,
Летят рассеивая
Тысячи брызг.
Взор радуя,
Лучше мостов
Встала радуга
Всех цветов.
Сбросить бы штиблеты,
Да эх, с ветерком
Промчаться по этой
Тропе босиком...
Вот уж взбредет,
Но жар сник,

А дождик льет,
Как добрый пожарник.
Город обмыла
Без всякой фальши.
Краны закрыла
И умчалась дальше.
К полям, к лугам
И к огородам.
К другим городам.
К другим народам.
Плывет и не тужит,
Что отдых стал реже –
Всем нужен
Воздух свежий.
И снова солнце,
Тепло, радость,
Смех несется
Из каждой ограды.
В людском потоке
Я растворен.
Людское око –
Око моё.
Я счастлив. Я молод –
Весь мир обнимай.
Май над городом.
Да здоровствует Май!

Спит город любимый мой.
Спят переулки мои.
Только ещё мы с тобой
Не спим одни.

Речка бежит под мостом.
Глядятся в неё фонари.
А мы, дорогая, вдвоём
Всё стоим и стоим у перил.

Почему ты сегодня молчишь,
В своём сердце слова затая?
Почему всё на речку глядишь?
Ну взгляни ж на меня.

Уже небосвод голубой.
Уже потухают огни.
Мой город, любимый мой,
Этот вальс прими.

Пусть звенит он в тиши ночей
По бульварам, проспектам твоим.
Пусть тревожит сердца томичей
Он напевом своим.

РАССВЕТ

Встану утром. Рано – рано.
Только удочки со мной.
Словно дети спят туманы,
Спрятав руки под щекой.

За посёлком. За лесочком.
На берёзе голубой
Солнце розовым листочком
Распустилось над землей.

В рожь уселись куропатки.
Всколыхнули утки заводь...
Это мальчик, сев в кроватке,
Кулачком протёр глаза. Вот!

Я спускаюсь с скалистого берега.
Светит солнышко. В сердце светло.
И, смеясь, разбиваю с разбега
Голубое речное стекло.

Погружаюсь в прохладные струи,
Словно в мир погружаюсь иной.
И река моё тело целует,
Будто я её сын дорогой.

Я запомнил то утро прекрасное.
Невозвратное утро, когда
Я не мучился думами разными
И мне шли молодые года.

Весёлое дело
Встать поутру
В пронизанном солнцем
Сосновом бору.

Взяв мыло и щётку
Бегом, налегке
Спуститься по тропке
К прохладной реке.

На мелях блестят,
Как монетки, мальки.
За ними из глуби
Следят окуньки.

Кукует кукушка
На том берегу.
И кони спокойно
Стоят на лугу.

И верится сердцу,
И вера легка,
Что всё это будет
Века и века.

Я люблю тишину. Я люблю. Но какую?
Очень трудно об этом словами сказать.
Город приляжет домами на мостовую
И долго думает что-то, не закрывая окон глаза.

О чем ему думается седому и юному,
Деревянному, каменному, рабочему
и студенческому?
Асфальт играет лучами лунными,
Как человек игрушками в своем младенчестве.

Я не скажу, что без ума от него.
Видел красивей. Говорят. И знаю.
Но какое-то удивительно близкое родство
Меня с этим городом объединяет.

Я тоже вот так, придя с работы,
Устав, что больше и устать нельзя,
Прилягу, но от чего-то
Долго-долго не в силах закрыть глаза.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА КОМАРОВА

Небо во все века
К себе человека звало –
И падает юный Икар
С опаленным о солнце крылом.

Победу легко не взять.
Победа легко не дается.
Плачут жена и мать –
Любимое сердце не бьется.

А небо зовет и зовет
И нет человеку покоя.
И новый из нас идет
В объятье его голубое.

МОЛОТ

Молот, бей по наковальне,
Я люблю твой зычный звон.
Самой крепкой в мире сталью
Мускул налит от него.

Ты рукам моим послушен.
Мы одно навек теперь
И никто твой не нарушит
Созидающий напев.

Видишь: Птицы ввысь взлетели,
Унеслись к планетам дальним.
А не ты ли, друг, их сделал?
Молот, бей по наковальне!

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Владимиру Топорову

Середина лета.
Пахнет клеверами.
Пряный запах этот
Властвует над нами.

С рюкзаком заплечным
По тропинкам росным
Мы идём к поречным
Травам сенокосным.

Высоко над нами
Распевают птицы.
В далях над лугами
Марево клубится.

Ах ты, мать родная,
Родина-Россия!
Красота какая!
Голоса какие!

У костра под вечер
Посиди. Послушай.
Это всё что лечит
Сердце нам и душу.

НАЕЗДНИЦА

Какая ладная лошадка
По людным улицам бежит.
Её наездницы посадка
Любого враз заворожит.

Среди всесветных ссор и сшибок.
Среди разлада и разлук
Не много счастливых улыбок
Встречать приходится, мой друг.

Но первый майский день воскресный.
Но свежесть утренней листвы.
Но вид наездницы прелестной –
И вот не так уж мрачны вы.

Пусть всё под этим небом шатко.
Пусть всё почти что на краю.
Беги. Беги. Беги, лошадка,
Неси наездницу свою.

В ВЕЧЕРНЕМ ПАРКЕ...

В вечернем парке закаты парки.
Наряды пышны. Узоры яркие.
Хожу неспешно за кругом круг,
С улыбкой нежной глядя вокруг.

На травинку, на былинку,
На тенистую тропинку,
На цветок, на мотылек,
Что внезапно взгляд привлек.

На заречную полосу,
На беспечную стрекозку,
На березку, на сосну –
Отходящие ко сну...

Вдруг жучок ударил в лоб –
Не заглядывался чтоб.

СИНИЧКА

Должно быть, Бог не думал лишку,
Когда народ свой одевал,
Ей выдал жёлтую манишку
И чёрный галстук повязал.

В одежках я судья недалъний,
Да и в другом... Молчок! Молчок!
Но в горлышке её хрустальном
Вложён волшебный язычок.

И всё известно ей заране.
Не зря же нас её наряд
Средь лета лёгкой грустью ранит –
Ведь скоро листья полетят.

Зато зимою в час чудесный,
Как первый вестник новизны,
В свой колокольчик поднебесный
Нам возвестит приход весны.

Чуть свет в окно – и ей не спится.
Была лишь здесь, уж там слышна.
И всюду лёгкая, как спица,
На белом поле полотно.

Тепла в мороз её избушка
И привнесён покой в семью.
Она такая хлопотушка –
Я больше всех её люблю.

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

Здравствуй, мама! Милая, здравствуй!
Дай прильнуть к твоему теплу.
Как приятно мне после странствий
Очутиться в родимом углу.

Пусть в пути поседел мой волос,
Вновь пройду, ни о чём не скорбя,
Чтобы только услышать твой голос,
Чтобы только увидеть тебя.

И на миг замереть у порога,
Нажимая на кнопку звонка —
Как слышнелют шаги понемногу
И как щёлкает ручка замка.

И, входя в эти скрипные двери,
Хлам обид не тащить за порог.
И как в юности снова поверить
Светлой верой в людей и добро.

Тихо ветер споткнулся о деревце.
Тихо ветка коснулась лица.
И с ведерками красная девица,
Улыбаяся, сходит с крыльца.

Вот челомкнул колодец о донышко.
Вот пропело калитки кольцо.
И из ведер, где плавает солнышко,
Чуть плеснули лучей на крыльцо.

И туман, растекаясь над речкою,
Приглушает людей голоса.
И, как будто воскресною свечкою,
Кто-то вмиг осветил небеса.

И распахнуты далее объятия.
Свет небесный струит с высоты...
Ты откройся, душа, для приятия
Нашей русской родной красоты.

ВЕСНА В ТЮМЕНИ

Весна пришла в Тюмень,
Когда? Неведомо.
Мы удивляемся
Ее открытию.
Прошла по улицам,
Зашла во все дома
И вот наткнулась вдруг
На общежития.

Живут в них девочки,
Живут в них мальчики,
И в среднем каждому
По двадцать лет,
Но, словно школьники,
Пускают зайчики
Из меда — да в ТИИ,
А из ТИИ — да в мед.

А что поделатъ им?
А что поделатъ нам?
С весной и дедушки
Не в силах справиться.
И в этом — суть ее,
И потому весна

Без исключения
Всем очень нравится.

Мы раны прежние
Зимой заштопали,
Всю зиму помнили
Своих «врагов».
Но вот опять весна,
Как почки тополя,
Грудь разрывается
От нежных слов.

Ах, подожди, весна,
Ребят заманивать,
Повремени
Еще немножечко,
Ребятам некогда,
У них экзамены,
А от экзаменов
Сосет под ложечкой.

Всю ночь над книгами
Колдуют мальчики,
Соседкам, видимо,
Мешает свет,
Все потому, что днем

Пускают зайчики
Из меда – да в ТИИ,
А из ТИИ – да в мед.

Что, как записочки,
Пускают зайчики
Из меда – да в ТИИ,
А из ТИИ – да в мед.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ (или 1962 г)

Какая пища: хлеб, вода,
И нет у нас другого спроса.
Питанье это еще – Да!
А то и вовсе – папироса.

Но вот, когда дают «стипон»
Или подбросят что из дома,
Бокалы, кружки. Чудный звон
Струится праздничной истомой.

Вино – дешевое. Закусок – мало.
Чего мы более хотим?
Так наливай скорей стаканы –
За голод прежний отомстим.

Сегодня есть, и мы – герои,
И легче наших мыслей лет.
Подолгу так сидим и спорим,
А завтра всем – что Бог пошлет.

Пусть завидующих жизнь бесит.
Пусть иссушает, аки тень.
Ты что уныл? Да будь же весел!
Не омрачи сей славный день!

Содвинем дружно с чашей чашу,
Пусть ночь и спать давно пора
За наш союз, за дружбу нашу,
За Альма-Матер. И – Ура!

ГИТАРА

Красотой она не блещет.
Залы ей не рукоплещут,
Но не плачет на судьбу она свою.
У костра и на привалах
Всюду первой запевала
Запоет она, и все ей подпоют.

Дождик скачет по палатке,
А палатка вся в заплатках,
Значит, в ней, как в океане, воды.
Но унынию нет места,
Потому что, как известно,
Выручает нас гитара из беды.

В гору путь лежит наш круто
И нельзя свернуть с маршрута,
Но гитару мы не бросим даже тут,
Потому что та гитара,
Точно крылья для Икара,
Помогает набирать нам высоту.

Так ведется, что студенты
Не живут без инструментов,
И гитара – самый этот инструмент.

С ней всегда рука об руку,
Как с хорошим, верным другом,
Через все пройдет с улыбкою студент.

Если б было небо годно
Для дороги пешеходной,
Обошлись бы мы без рельс и автотрасс.
Мы бы взяли бы гитару,
Да хороших книжек пару –
И пошли б себе тихонечко на Марс.

Преклонюсь перед прахом ушедших.
Пред грядущими шапку сниму.
Но и сверстников, грусть чуть уменьшив,
Я в обиду не дам никому.

Мы росли в ураганное время
На почти что бесплодной земле,
Прорастая, как дикое семя,
На окопном суглинке, золе.

Мимо нас проходили составы,
О высоких громах грохоча.
Не могу. Не имею я права –
Даже будь и немым – промолчать.

Полыхали в полнеба зарницы.
Жестким снегом метели мели.
И навечно на детские лица
Как печать поколенья легли.

Я душой, в поседевших до срока,
Узнаю одногодков моих.
Наша юность осталась далеко.
Жизнь выбрала в фавор других.

Но когда бы меня ни спросили,
Я отвечу без всяких затей:
Наши девушки были красивей.
Наши юноши были верней.

Я хотел бы сменяться местами —
Говорю безо всяких прикрас,
Но не с теми, что будут за нами.
Но с теми, что были до нас.

Я согласен лежать убитым,
Не оплаканным даже страной —
С пульей в сердце в бою открытом,
А не сзади — бутылкой пивной.

Только кто же из них согласится
Променять золотой на пятак?
Жаль, что я опоздал родиться,
Я бы смог в том бою пригодиться.
Неужели помру ни за так?

ОБРАЩЕНИЕ К ДРУГУ

Мы немного постарели,
Такова, мой милый, жизнь.
Постарели. Подурнели.
Отчеством обзавелись.

Кто я был? Колян и только -
То ли «кадр», то ли «бич».
А теперь уж нет, изволь-ка,
Не какой-нибудь там Колька,
Николай Василь-евич.

Вот стою, смотрю в окошко.
Право, есть на что смотреть.
Но... расстроен я немножко –
Что обуть? И что надеть?

Нынче в моде мода «мадэ».
На работе. У витрин.
Как заклатье. Как услада –
Мадэ! Мадэ! Мадэ ин!

Что ж мы стали так гоняться
За ненашенским добром?
Надо малость отдышаться,
Оглядеться бы кругом.

То не поза. Не личина.
Не лицемер я. Не ханжа.
Но я против как мужчина,
Чтобы вещь – и Госпожа!

Были ж веянья и стили.
Было нам по двадцать лет.
Наши девушки носили
Крепдешин и креп-жоржет.

А ивановские ситцы,
Что прекрасны, как заря.
Завидушей за границе,
Видно, нравились не зря.

Невозвратные потери...
Словно прихоть и кураж,
К нам без стука лезет в двери
Иностранный антураж.

* * *

Был я юным, красивым.
Был я – кровь с молоком.
Да все мимо. Все мимо.
Кувырком. Кувырком.

Накопилось пожитков.
Весь в долгу, как в шелку.
Вижу дом и калитку,
А войти не могу.

НА РЫБАЛКЕ

Ну и выдалась погода.
Не погода – кислый квас.
Опрокинутая лодка
От дождя укрыла нас.

И сидим мы с ним, два брата,
Так сидим – к спине спина,
Как сидели мы когда-то,
Только днище низковато,
Да его спина горбата...
И такая тишина.

МЫШИНЫЙ ГОРОШЕК

Мышиный горошек
Душистый. Хороший.
Вдоль пыльных дорожек
Внезапно расцвел.
И сонмы жужжащих
И вечно спешащих,
Таких работающих
Привлек к себе пчел.

Сибирское лето
Короче привета.
И, чувствуя это,
Берутся дружной.
И что им заботы,
Судеб повороты
И даже — хлопоты
Каких-то людей.

От деревни до деревни
Всё поля, луга, деревья,
Перелески да кусты,
Гати, мостики, мосты.

В небе жаворонки тают.
Над землёй стрижи снуют...
Здравствуй, Родина родная,
Где душа нашла приют.

Не прагматик и не мистик,
Здесь я свой среди своих.
Подорожниковый листик -
От всех болезней моих...

Я уверен наперёд:
Приложу – и всё пройдёт.

ПОДОРОЖНИК

Я с детства рос неосторожным,
Не щадил ни рук, ни ног.
Добродушный подорожник
Врачевал меня как мог.

Разомнёшь его. Потуже
Замотаешь – и айда...
На войне бывает хуже,
Ну, а это – ерунда!

И не плакал я от злости,
Хоть отчаянно везло
На заржавленные гвозди,
На разбитое стекло.

И теперь, когда безбожно
Оболюют отравой слов,
Мне бы только подорожник
Отыскать... И вся делов.

ЩЕНОК

Он отважно отбивается,
Лопоухий брат меньшей.
Дурачок, чего кусаешься?
Я ж к тебе со всей душой.

Хочешь жить со мною вместе
И гулять на поводке?
Будешь сыт ты и при месте,
Будет морда в молоке.

И тогда-то уж нахрапом
На тебя попрёт не всяк.
Ну, так что? Давай по лапам!
Ты согласен или как?

Здесь один ты затеряешься,
Город вон какой – большой!
Зря ведь ты не соглашаешься,
Я ж к тебе со всей душой!

ЛЕСНАЯ СОРОКА

С лесною сорокой морока.
Высоко на ёлке сидит.
Всё видит. Всё знает до срока.
Народ свой предупредит.

Вот вышли вы, скажем, с ружьишком
Подбить неprovорную дичь.
Она разволнуется слишком,
Совсем как Владимир Ильич.

Свернёте и вправо и влево.
Она уж и там, впереди.
Такая прескверная дева,
Что просто не приведи.

А если пошли за грибами,
Иль так, отдохнуть в выходной,
Она наблюдает за вами,
Тихонько летя стороной.

Идёте. Ну ладно, идите.
Чего без причины кричать.
Ведь главное: Вы ж не хотите
В лесу неприятство начать.

ЖАВОРОНОК

В жаркий полдень среди луга
Я иду один к реке
Без товарища и друга
С хворостиною в руке.

А зачем иду, не знаю,
Так вот вышел наобум.
И вовсю стихи читаю,
Что приходят мне на ум.

Уголок родной Сибири.
Солнце. Луг. Тальник. Река.
И, наверно, в целом мире
Нет такого уголка.

А из самых поднебесий
На земную благодать
Льется. Льется. Льется песня,
Хоть певца и не видать.

Ах ты, птичка-невеличка,
Гнезда выющая в траве,
Несравненная певичка
С хохолком на голове.

Я соперничать не смею.
Что мой стих?
Лишь звук пустой.
Ты поешь – и я немею
Перед маленькой тобой.

КАТАНИЕ НА ЛОДКЕ

Катался я на лодке,
В руках держал весло.
И лодку мою ходко
Течением несло.

Мне с берега кричали,
Я словно не слышал.
Нигде я не причалил.
Нигде я не пристал.

Прошли, эх, пролетели
Весёлые года.
Надвинулись метели.
Нависли холода.

Казалось, счастье было,
Но лодку и весло
Волной случайной смыло
И стрежнем унесло.

НЕЗАБУДКИ

В сырой осоке незабудки
Глазами синими глядят.
Ах, дни погожие, побудьте,
Не опечальте этот взгляд.

Пускай цветут пока живые,
И жизнь радовать спешат.
Вот-вот подуют ветры злые
И всем цветам глаза смежат.

ЗВЕЗДОПАД

Когда по небу, как искры, шурша,
Как искры, сгорая, звезда пролетела,
Одни говорят, что это душа
Оставила чьё-то тело.

Что где-то в родной иль далёкой стране
Кому-то мир неошутимым сделался.
Был человек – и нет его, нет.
Отлюбил. Отстрадал. Отнадеялся.

Другие считают: пока звезда,
Падающая звезда, в темноте не заблудится,
Надо желание успеть загадать.
Успеешь – желание сбудется.

Хочешь, гадай себе о любви.
Хочешь, чтоб повезло в лотерее.
И будь спокоен: надежды твои
Звезда непременно согреет.

Кто прав, я не знаю. Одно меня радует:
Пусть что-то кому-то и вдруг примерещилось....
Звёзды падают. Да, звёзды падают.
Но их на небе от того не уменьшилось.

ВЕНЕРИН БАШМАЧОК

Красавица Венера
Однажды в вечерок,
Играясь, обронила
Изящный башмачок.

И молния сверкнула,
И следом грянул гром...
И башмачок венерин
Стал в тот же миг –
Цветком.

Всю ночь земля вздыхала.
С небес ливня лилось.
И в башмачок дождинок
С краями набралось.

А утром пели птицы,
И я пошёл гулять,
И башмачок увидел,
И захотел сорвать.

Но сердце застучало:
Не рви, пускай цветёт!
Ведь, может быть, Венера
Искать его придёт.

СТАРАЯ БЕРЕЗА

Она вошла на тот откос,
Занемогла и там осталась.
В причёске реденьких волос
И в платье, стираном и старом.

И ветер стих. И гомон смолк.
Раздвиглась даль. И было слышно,
Как от ветвей отпал листок
И в воздухе повис недвижно.

Судьбе не плачась, не моля,
Она глядела в сумрак синий,
Как мама милая моя,
Что закручинилась о сыне.

Зачем ты уходишь, мама,
Ведь ты у меня одна?
Ты погодила бы малость,
Ты так мне, родная, нужна.

Я вот женюсь, постараюсь,
К приходу ноябрьских дней
Мы свадьбу в столовке сыграем,
И всё будет, как у людей.

Жена будет славной, ей-богу.
И в кипень весеннего дня
Ты внука посадишь на ногу,
Как в давние годы меня.

Болтают, что я выпивоха,
Как сын я тебе говорю:
Ну, если душе моей плохо...
А так, то я вовсе не пью.

Кому было слёз твоих мало?
Кто снёс тебе гиблую весть?
Зачем ты уходишь, мама,
А меня оставляешь здесь?

ГРОЗА

Земля по влаге изнывала
И туча влагу принесла.
Лишь малость небо грохотало,
Лишь малость туча пролила.

Но как земля преобразилась,
Как изменилось всё вокруг!
Как будто чудо совершилось
По воле чьих-то добрых рук.

И в небе радуга повисла
На удивленье всех людей,
Как расписное коромысло
Из детства – матери моей.

Я с тихой улыбкой смотрю на ребят,
Что, крылья почуяв, тревожно шумят.
Летите, родные, большого пути!
Ваше ещё впереди.

Как долго плутал я по дальней земле.
Как долго искал я, где солнце теплей.
Мне время велело: «Одно выбирай!»
Выбрал я Северный край.

Здесь детство всходило.
Здесь юность цвела.
Здесь сердце навеки любовь обожгла.
Здесь мать мне сказала: «Прощай и прости»....
... Разве с собой увезти?

СОМНЕНИЕ

У меня на сердце боль и смута
От сомнений разных и тревог,
Будто я чего-то и кому-то
Обещал. Поклялся. И не смог.

Будто я на слове побожился.
Имя чьё-то веское привёл.
Человек, наверно, положился
На меня. А я его подвёл.

Вот хожу и нету мне покоя,
От стыда поднять не в силах глаз.
А вокруг ведь люди, дядя Коля,
Что они подумают о нас?

Грустно в путь выходить ни с чем.
Надо что-то в пути иметь.
Если золота не хватает всем,
Надо брать хоть железо иль медь.

Я свой путь прошагал налегке,
Без друзей, без семьи, без гнезда.
Жизнь – это шаги на песке,
Где следы замывает вода.

Говорят, что всему свой срок.
Я все сроки свои проглядел.
Мотылька я принял за цветок
И нагнулся...
А он улетел.

Мы много бегаем по свету,
И суетимся, и кричим,
Как будто на земле и нету,
Чем мы крупнее величин.

Но вот однажды в тихий вечер,
Себя тщеславьем не дразня,
Поймём: игра не стоит свечек,
И всё – мышиная возня.

Что в мире есть простое право
И долг, которых нет святей:
Поля пахать, железо плавить
И мирно пестовать детей.

Вы слышите: птица запела
Пока еще робко, несмело.
И утро своими лучами
Спешит поздороваться с нами:
«Вставайте. Лениться не дело!»
Вы слышите: птица запела.

Идите скорей на природу.
Глядите на небо, на воду.
И пусть ручеек вам проточный
Остудит ваш жар полуночный
В любую какую погоду.
Идите скорей на природу.
Вы слышите: птица запела.

Привет, друзья. Товарищи, привет.
Люблю по городу бродить мечтая,
Когда за окнами горит уютный свет
И над тайгой заря до полночи не тает.
Привет, друзья. Товарищи, привет.

Привет, друзья. Товарищи, привет.
Вот краны подняли свои стальные шеи,
То видит каждый, это не секрет,
Что город наш растёт и хорошеет.
Привет, друзья. Товарищи, привет.

Привет, друзья. Товарищи, привет.
Как ручеек, звенящий детский сад
Вливается на радужный проспект.
И каждый к ним свой устремляет взгляд.
Привет, друзья. Товарищи, привет.

Привет, друзья. Товарищи, привет.
Идут влюблённые. Малыш во всю смеется.
И пусть пройдёт ещё немало лет,
Но подвиг Ваш в народе отзовётся,
Которому сравнений нынче нет.
Привет, друзья! Товарищи, привет!

Играет оркестр духовой.
Звучат несравненные вальсы.
Ну что же, родной, не стесняйся.
Пойдём-ка, тряхнём стариной.

Вот, от подружек особо
Стоит молодая особа.
Ты робость свою погаси.
Иди. Подойди. Пригласи.

Ведь ты ещё вовсе не старый.
И случай почти как в кино...
– Ах, я бы пошёл, да нету мне пары –
Мои откружились давно.

Для чего ношу усы?
Ясно дело – для красы.
А ещё? Ещё, признаться,
Как барометр-часы.

Вот пришёл ко мне успех,
Значит, я счастливей всех
И усы мои, понятно,
Как орлы, взлетают вверх.

Ну, а жизнь дала каприз
И в делах знобящий бриз,
То и усики, что делать,
Опускают крылья вниз.

Вот я в зеркало взглянул
На себя... И всё смекнул,
Что не так. А что не эдак.
Что мне взять «на караул».

А без этих, без усов,
Всё равно как без часов,
Как корабль без компаса,
Парусник без парусов

Люблю, как приеду в деревню,
Пройтись по окрестным местам,
Где каждая купа деревьев,
Как дивный дворец или храм.

А там, где курья и озёра,
Лучами заката облит,
Большим кафедральным собором
Готический ельник стоит.

И мальчик, руками махая,
Промчится в луга на коне,
Как будто бы птица какая,
Дотоль неизвестная мне.

Я вздрогну. И встану. И долго
Вослед ему буду глядеть,
Пока он по краю околка
Всё будет лететь и лететь.

И рад я, что здесь я родился,
Кому-то родней довожусь.
Пусть где-то я в дело сгодился,
Но то, что отсюда – гордился.
И, может, когда пригожусь.

ДЕРЕВЕНСКАЯ РОДНЯ

Деревенская родня,
Тихо-мирно жили– были,
Всех своих переженили
И принялись за меня.

Я у них сегодня – гость.
И моя родня страдает:
Жалко, парень погибает,
Ведь своя, родная кость!

– Сколько ж лет тебе? Постой!
– Тридцать пять, поди, не меньше.
– И ещё всё холостой?!
– Что в Сургуте нету женщин?

И не бери в чужом краю!
Для родни-то, в лучшем виде,
Мы тебе найдём свою.
Будь спокоен, не обидим!

И вся мужская половина,
Желая родичу добра,
Начала чуть не от овина
Искать невесту по дворам.

И так вот мысленно все вместе
Прошли весь ряд из дома в дом.
И, вроде, в каждом по невесте,
А всё таки «чегой-т не то».

– Да Зинка же, Михея, слышь-ка,
Не прогадашь наверняка.
И личиком удачно вышла.
А уж и умница кака!

Она у них в у-нир-си-тете,
Кажись теперя третий год.
Ты взял б её и заприметил,
Деваха нама подойдёт. –

А я? Я что? Я соглашаюсь:
Родня, и годы, как-никак.
Глядишь, и от общаг отмаюсь?
И я осклабло улыбаюсь:
Ну, что ж, жените коли так!

Дядья уж было и запели,
А я хотел прочесть стихи.
Но тётя молвила:
В постели!
Марш, марш в кровати, женихи!

Не по ошибке и не смехом
Я не обидел девы той.
И опять в Сургут уехал,
Как и прежде – холостой.

Дальняя, близкая сердцу, родня.
Когда-то давненько здесь бегал и я.
И вот среди горницы на табуретке
Сижу я, как гость, городской весь и редкий.

Тихие в сенцах слышны голоса.
В блюде с вареньем увязла оса.
Дремно на солнышко жмурится кот.
Маятник мерные доли кладет.

Долю – налево. Долю – направо.
Старое фото. Солдатики brave.
Пристально смотрят они в объектив.
Где-то поют новомодный мотив.

В окна виднеется луг травяной.
Край мой сибирский.
Край мой родной.

Люблю ходить я в летний лес
Во дни свои досуга,
Питая к ближним интерес
Товарища и друга.

Я рад всегда услышать в нем
Синицу и чечётку
Или увидеть под кустом
Ежа живую щетку.

И что цветёт, и кто поёт –
Всё полно удивленья.
Кто любит лес, в лесу найдёт
Ещё и угощенье.

Когда с прогулки я такой
Шагаю по тропинке,
Несу в душе моей покой
И белый гриб – в корзинке.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Как будто блюдо расписное,
По край налитое вином,
Сияет озеро лесное
Зеркальным дном.

Под светлой крышей небосвода
Звучит чарующий мотив.
И, видно, здесь, вот в этих водах,
И проживает рыба див.

Весь день гуляют там наяды,
Зверей смиряя красотой,
И стройных лиственниц наряды
Отражены во влаге той.

Ничьей рукою не задето,
Стоит полнёшенько пока
И, может, только бабье лето
Его пригубило слегка.

Но скоро, скоро сталь достанет
И сей потайный уголок.
И что от встречи этой станет?
Представить я себе не мог.

ВЕЧЕР НА ПОКОСЕ

Тёплое и тяжёлое августовское небо,
Всё в звёздах, лежало над покосом и над рекой,
Как ломоть свежеиспечённого ржаного хлеба,
Круто посоленного мамкиной рукой.

Я когда-то держал его в ларце моих ладошек
И не знал, что с ним делать и куда его деть.
Поделиться с друзьями? Отломить ли немножко?
Или, может, припрятать на чёрный день?

А теперь не испечь моей матери хлеба.
Что когда-то пекла она под выходной...
Как кристаллики соли, звёзды падают с неба,
Словно всё-то держу я тот ломтик ржаной.

МЕЧТА

Мечтайте, девочки, мечтайте.
Мечта вам так идёт к лицу.
Принцессами себя считайте.
В миры далёкие летайте.
Что не открыто – открывайте.
Но никогда не отвечайте
На грубый окрик «мудрецу».

«Мудрец», поймёт ли он когда,
Что значит в жизни жить мечтая
И, словно крылья обретая,
Вставать, когда едва светает
И птиц щебечущая стая
Совсем прирученной летает
Вокруг тебя.
Что значит за день уставая,
Лежать вот так, не засыпая.
Но у него мечта другая,
Ему всё это – ерунда.

Мечтайте, девочки, мечтайте.
Идя через потоки лет,
Принцессами себя считайте.
В миры далёкие летайте.
Что не открыто – открывайте.
Но никогда не забывайте,
Что вы родились на Земле.

Нарядный лист отпал от ветки.
Один-единственный всего
И лег на краешек беседки.
И я вздохнул, подняв его.

И помолчал... И вот уж новый
Летит, играет очерёдный лист,
То светло-желтый, то багровый,
То разноцветный, как батист.

Они еще не понимают,
Что значит счастье и уют.
И с радостью покидают
Своих ветвей родной приют.

Осыпет инеем беседку.
И тот, кто это оценил,
Тот будет за родную ветку
Держаться из последних сил.

Был чуден лес. Среди дивных опахал
Кто бегал. Кто резвился. Кто порхал.
И мирно жил в кругу родной семьи.
Но налетели ветры. Замели.

Лес сбросил одеяние своё –
И беззащитны стали птицы и зверье.
И человек, таясь, путем окольным
Пошёл на них с ружьем своим двуствольным.

Вот грянул гром. Раздался дробь свист.
И, вздрогнув, на землю скатился желтый лист,
Как с века веток желтая слеза
О тех, кого забыть нельзя.

Распрощалось небо с летом,
Распрощалось и поблёлкло.
В хмурь осеннюю одето
Плачет дождиком на стёкла.

И ко мне пришла расплата,
Так и так, мол, подытожь-ка.
Ах, как хочется поплакать
На чьё-нибудь окошко.

Видно, жил я неумело,
Зря растраченная юность
Никого не обогрела,
Никому не приглянулась.

Я имел друзей немало.
Нас водой не разлучали,
А теперь вот их не стало,
Даже в письмах замолчали.

Да и сам я к ним не очень.
Ничьего не жду участия.
Только мать бессонной ночью
Просит жизнь дать мне счастье.

Да, я знаю, мама, знаю,
Ты одна мне не изменишь.
Только ты, моя родная,
И надеешься, и веришь.

Я гонялся за жар-птицей,
Не последний я, не первый,
Но я думал изловчиться
И отдать друзьям на перья.

Только надо ж так случиться,
Я почти что хвост затронул.
Вдруг смотрю: моя жар-птица —
Просто серая ворона.

Значит, всё опять сначала?...
Так начнём, пока есть силы!
Лишь бы сердце не смолкало.
Лишь бы солнышко светило.

Дни идут. Старееет мама.
Может всякое случиться...
Дождик бьёт в окно упрямо,
Отражаясь на ресницах.

Вот и окончилось лето.
Лес опадает листвою.
Милая, где же ты, где ты?
Где же твой голос живой?

Стынет лесная опушка,
Будто на ней никогда
Не куковала кукушка,
Нам отпускная года.

Будто цветы луговые
Нам не сплетали венок.
Будто и чары лесные
В свой не манили чертог.

Милая, где же ты, где ты?
Что же ты скажешь сама?...
Осень, конечно, не лето,
Но ведь ещё не зима!

ОСЕННИЕ СТИХИ

В красное и жёлтое
Лес весь разодет.
По лугам с метёлкою
Бродит ветер-дед.

Бродит, что-то буркает
Про себя в усы.
Прячет он под буркою
Верные часы.

Ждёт, когда прокукает
Его условный час,
Тогда, простясь со скукою,
Метёлке дать приказ:

– Пришла пора теперичи,
Метёлочка, а ну,
С лесов всё до копеечки
Сбери в мою казну! –

Но за день утомиться он
По-старчески успел.
Вот на пенёк садится он
И трубкой засипел.

Прикрыл глаза усталые
И на какой-то срок

Пришли года бывалые,
Он – юный ветерок.

В рубашечке голубенькой,
С наборным пояском
Идёт от счастья глупенький
Берёзовым леском.

А воздух пахнет мятою.
А небо – синева.
Зелёными щенятами
У его ног трава.

Уж солнце опускалось
Спать в копны на лугах,
И трубке задремалось
В его седых усах.

Из-под ресниц на бороду
Скатилась слеза
Припомнил деда молодость,
Припомнил и сказал:

– Не буду вас я трогать
Ещё денёк – другой.
И прежнюю дорогой
Побрёл к себе домой.

ЭТЮД

Рисует осень акварелью
Поля. Леса. Луга. Деревья.
Дома. Дорогу. Косогор.
И покосившийся забор.

Кричит встревоженная птица,
Взлетая и садясь в кусты.
Машина вдоль забора мчится,
И пыль за нею золотится,
И опадает... На кресты.

Пожухла небес синева.
С дерев облетела листва.
Шумят невозможные ветры
И стынут пространств километры.

Хоть звери давно и зверушки
Кто в норке уже, кто в норушке,
А всё ж не идёт из ума,
Какой она будет – зима?

И серенький зайка, как купчик,
Сменил свой зипун на тулупчик.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поздняя осень
Приходит к нам врасплох
И думать заставляет,
Что гардероб наш плох.

Что нет у нас ни шапки,
Ни шубки, ни пальто.
И нам его поправить
Не поспешит никто.

Что вот нагрянут ветры –
И полетит листва.
И сердце громко бьётся.
И кругом голова.

Ведь поздняя осень,
Как поздняя любовь –
Она тревожит разум.
Она волнует кровь.

ПОСЕЩЕНИЕ МОСКВЫ

Поклонился Есенину.
Пошумел в ЦДЛ.
И, как дождик осенний,
За Урал полетел.

Но оставил там друга,
Чей мне дорог привет...
Жизнь глуха, как фрамуга,
А другой у нас нет.

Кружится. Кружится. Кружится.
Кружится. Кружится снег.
Вот и последняя лужица
Сгорела на белом огне.

Нет ни о чём сожаления,
Всё мне – любовь и родня.
Я приглашён на рождение
Необычайного дня.

Сердце мечтает о чуде.
Тянется робко к огню...
Как вы мне нравитесь, люди!
Как я вас, люди, люблю!

И снег был. И слякоть. И холод.
А вот, наконец, и сама.
Ну, здравствуй! С счастливым приходом,
Красавица наша – зима!

Я рад твоему появлению.
Наряды твои хороши.
Зима, ты пора вдохновенья
И удали русской души.

И щёки горят от мороза.
И звонко звенят голоса.
И солнце, как дивная роза.
И, словно платок, небеса.

И говор. И шутки. И песни.
И в лентах упряжка коней.
И нет, и не будет чудесней,
Как мчаться и мчаться на ней.

Весенние птицы
Умолкли вдали.
Остались синицы
Да вот воробьи.

Их сердце не тронет
Заморский уют.
Что люди обронят,
То и клюют.

И не унывают,
А сникнет мороз,
Поют-напевают
На ветках берёз.

Продрогнув до дрожи,
Почуешь верней,
Что нет их дороже
И нет их родней.

О, милые птички,
Большой вам привет,
Синички-сестрички,
Воробей-домосед.

ЗИМА В ПРИГОРОДЕ

Справил пригород обнову –
Выпал снег. Видать, пора.
Возле беличьей столовой
Ребятни уже с утра.

И мальчишки, и девчонки
Нанесли, ну кто что мог.
Тянут к белочке ручонки,
А она им: «Цок! Цок! Цок!»

Заводная, как игрушка,
Ну, постой, не егози.
Попрыгушка, погрызушка,
На орешков, погрызи.

Речка во льду засыпает.
В белом поля и леса.
Словно с небес осыпает
Кто-то весенний сад.

Нежная, спит, как ребёнок,
Природа в пелёнках-снегах,
А снится ей жаворонок
И хоры цветов на лугах.

Прошлые дни вспоминая,
Мечтает о новой весне.
И первая вьюга, как няня,
С песней склонилась над ней.

Ну кто не любит зимний лес,
Он полон таинств и чудес.
Идешь, идешь. И всюду, всюду
Все пробуждает интерес.

Вот на березе на опушке
Висят чечетки, как игрушки,
И от сережек на снегу
Семена, как конопушки.

А вот в низинке, среди елок,
Как будто промелькнет зайчонок.
И дятел вслед рассыпет дробь...
А лес морозный тих и звонок.

А там пенек в снегу как домик,
И в нем живет веселый гномик.
Сейчас он двери распахнет
И пригласит к себе за столик.

Тут лыжницы нарядной стайкой
Пройдут. И ты решаешь: Дай-ка
Пойду и я. А их уж нет.
И где лыжня их, угадай-ка!

А тут и ветер-верховик
Среди ветвей поднимет крик.
Ты только глянешь: Кто бы это?
Тебе и ком — за воротник.

Завечереет. Но при этом
Еще он весь пронизан светом.
Ты в лес войдешь таким как все,
А выйдешь — истинным поэтом.

Заметелила, завьюжила зима
Так, что вскоре затерялась сама.
К февралю спешила в гости на чай,
Да вот сбилась с пути-дороги невзначай.
Едет. Едет. Всё то – поле, то – лог.
Верный конь Буян-Буран изнемог.
Изнемог Буян-Буран и устал.
Утонул в большом сугробе и встал.
Встал. Как билась, ни билась зима –
Не идёт, хоть впрягайся сама.
И подумала: «Серчай – не серчай,
Всё равно уж опоздала на чай.
Дай-ка лучше я немножко отдохну,
Чтобы встретить подобающе весну».
Умостила в кошеве на мехах
И уснула. А проснулась и – ах!
Солнце жалит и жужжит, как пчела.
«Ой ты, матушка, гляди-кось, проспала!
Прospала ведь я, сердешная, свой час.
Что же делать? Что же делать?
Вот те раз!»
Где вчера Буян-Буран рвал гужи,
Ручеёк, журча, проталинкой бежит.
А в кошевке сон-трава и молочай.
Вот тебе и гостевание, и чай...
Испугалась зима. И в леса,
Озираясь, ушла, как лиса.

СНЕЖОК

Он взлелеян облаками,
Ветром веян и толчён.
Мы берём его руками
Удивлённо:
– А почём?

Ну, где найдёшь такой снежок,
Как ни у нас, в России, русский.
Рассыпчатый, как сахарный песок,
И, как кочан капусты – хрусткий.

Какая нарядная улица.
Волшебный какой вечерок.
И кружится. Кружится. Кружится
Предновогодний снежок.

Будто бы сказка чудесная
Здесь совершается вдруг.
Будто и сила небесная
Нас осеняет, мой друг.

Хочется делать прекрасное.
Хочется стать красивей.
Хочется видеть всечасно
Добрые лица людей.

* * *

Новогодние свечи оплыли.
И полночные гости ушли.
Всё, что лишнее, то – позабыли.
Что нелишнее, то – унесли.

Покричали в окно напоследки.
Постучали о раму мою.
Посреди однокомнатной клетки
Встал. И долго стою и стою.

Еще февраль грозит пургою,
Но мы то видим: с каждым днём
Всё выше небо над тайгою,
Всё дольше солнышко на нём.

И мне сегодня показалось,
Оно готово нам светить,
Как мать, что сына наказала
И рада малыша простить.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Годы, словно воды, размывают нравы,
Будто половодье – рыхлый чернозём.
Поглядишь. Посмотришь. Охнешь: Боже правый!
Кто же мы такие? Для чего живём?

Жизнью бестолковой. Беспросветной. Странной –
Только бы наестся да напиться вдрызг.
Из-за корки чёрствой. Из-за крыши драной
Мы друг другу рады глотки перегрызть.

Всюду превращения следуют за нами,
Так уж он устроен этот род людской.
Раньше графини блудили с кучерами,
А нынче жены шефов шарят с шофернёй.

Был сперва я мысль. А потом – ребёнок.
А потом – мужчина. А потом – старик.
Жизненный путь мой весь, как волос, тонок.
Только и останется слово или крик.

Эх, ты, жизнь бекова! Зов ли ты, иль эхо ли?
Серая, как ... Как сажа – бела.
Только годы лучшие все прошли, проехали.
Матушка-заступница, где же ты была?

Мы погрязаем в тине быта
Неумолимо и всерьёз.
Ах, сколько! Сколько позабыто,
Тех молодых и чистых грёз.

Кругом нас вещи, вещи, вещи.
А мы внутри. Нас не видать.
Они вцепились в нас, как клещи,
Без боли их не оторвать.

О, если всё и взять и бросить.
Уйти куда глаза глядят...
– Ну, а зачем? – когда нас спросят,
И не поймут, и не простят.

Ведь, как инфекцией от века
Заражены мы как один
Гипертрофией человека
В манекены из витрин.

Но от душевного увечья
Ещё, быть может, нас спасёт
Тот гордый дух противоречия,
Что спать спокойно не даёт.

Что вырывает нас из кресел,
Когда вжимаемся мы в них.
Тогда... И целый мир нам тесен
И примирений – никаких.

«Ничто не вечно под луной».
Когда-то сказано не мной.
И не тобой, мой друг, наверно,
Зато ведь сказано-то верно.

Был первый Рим. Был и второй. И третий...
И всех их поразило жало смерти.
И Рим четвёртый и взойдёт и рухнет,
И лишь паденья отголосок ухнет
Вдали времён.
И пятый Рим, как гриб,
Начнёт расти...
И он, как все – погиб.
Ну что ж! Ну что ж! Исход иной
И не был, и бывать не может.
.....
Ничто не вечно под луной
И над луной не вечно тоже!

Едва Россия
Занемогла,
Как небо синее
Покрыла мгла.
И налетели,
И загалдели
Стаи ворон
Со всех сторон.
А что воронам
У нас не летать?
А что воронам
Нас не клевать?
Не возбраняется,
А разрешается.
Значит, надо спешить,
Успевать.
Где ещё в мире
Такой народ?
Когда ещё в жизни
Ему повезёт?
— Ау, подружки,
Лети сюда,
Здесь есть Ванюшки,
Для нас — еда...

И клювом – в очи
Когтями – в грудь.
И больно очень.
Да... Как-нибудь.

Очнитесь, Вани!
Ну что ж вы так?
Хоть – кышь ! – скажите,
Хоть – с места – шаг.
Ой, Мать-Россия!
Эх, ё-моё!
Ужель осилит
Нас вороньё?

Двадцатый век идёт к закату,
Как солнце вещее за хату.
Чем век ушедший был заполнен?
Чем век прошедший мы запомним?

Великие и роковые
Года побед. Года разрух.
И эти лица восковые
Почти безжизненных старух.

Им в этой жизни пофартило
Наказы партии иметь.
И только малость не хватило,
Пустяк какой-то – помереть.

Вновь всепрощающе и робко
Всё так же в очередь стоят
За той же самою «похлёбкой»,
Что те же самые варят.

Они. Они ещё заварят
Такого варева бадью,
Что всю Россию доразвалят
И ручкой сделают: «Адю!»

Прорабов русского погрома
Осуществляются мечты...
Их ждут на западе как дома,
А что, Россия, скажешь ты?

ТВОРЦЫ ИСТОРИИ

Нам с детских лет в башку долбили;
Историю творит народ!
А вышло – всё наоборот,
И три мужлана подтвердили.

Сказал Ильич, взяв «марками» займы,
Теперь Россией править будем мы.
И вот уж правнуки их skutся* у руля.
Куда ж теперь ты русская земля?

Вы тащили страну из грязи до ушей
Ради сталинских грамот и тощих грошей.
Были вы гегемон, а теперь вы в «низинке».
Это что там у вас в потребительской вашей корзинке?

Дева с веслом государства покой охраняла.
Мы Третьим Римом своим тешили скифскую спесь.
Что ж вы, безумцы, низвергли ее с пьедестала –
Нет у нас девы с веслом. Нет вот и Рима поднесь.

* Skutся – спуют, суетятся, мельтешат (прим. автора).

СТАРИК

Заросший весь, как приведенье,
Видать, он долго трудно жил,
Старик корявый, как коренья,
В горсти монеты шелушил.

А тот, кто выпить был намерен,
Орал, нисколько не стыдясь:
«Ты что, уснул там, сивый мерин?
Тут касса, а не коновязь».

И кто-то жал ему на ногу
И локти упирал в бока.
Так потихоньку, понемногу
И оттеснили старика.
Обидно как.

Но в этой спешке
Косички в бантиках нашлись,
Что взяли медные орешки
И помогли ему разгрызть.

И он стоял, валун замшелый,
Наверное, боясь дышать.
До слёз растроганный душевно,
Он замер, чтоб не помешать.

Потом, в руках перебирая,
Как уголь горящий, этот чек,
Глядел, никак не вспоминая,
Что здесь, где сутолка такая,
Зачем он, старый человек?

* * *

О чём? О чём ты плачешь, мальчик?
О чём? О чём печаль твоя?
О том ли, что ударил пальчик?
Или обидели друзья?

Не плачь, не плачь.
Что слёзы?
Слякоть.
Поверь. Поверь, малыш, всерьёз,
Ведь если всё твоё оплакать,
Тебе твоих не хватит слёз.

Было издревле
Так на веку –
В каждой деревне
По дураку.

Воду возить,
Или цию пасти –
Легче нельзя
Никого «припасти».

Так вот и жили
Семьдесят лет
От светлых свершений
До полных побед.

И всё бы ничё бы,
Да как посмотреть!
От этой учёбы
Мы стали умнеть.

Теперь, когда просят,
Ответ мой таков:
В нашей деревне
Нет дураков.

Ишь, что придумали!
Тоже нашли...
Были да сплыли.
Вышли. Ушли.

Когда умирал Наш Ильич,
Он бросил свой Ленинский клич
Во всей каратавой красе:
– А шли бы вы, батеньки, все!...

Ослушаться мы не могли.
И вот мы пошли и пошли.
И ночью. И утром. И днём
Идём мы. Идём. И идём.
И вечером также идём,
Как шли мы и ночью и днём.

И столько уж минуло лет.
Но путь не кончается. Нет!
И ночью. И утром. И днём
Идём мы. Идём. И идём.
И вечером также идём,
Как шли мы и ночью и днём.

Вот встали отцы за отцов:
Мол, всё же, в конце-то концов!
И снова
И ночью. И днём
Идем мы. Идем. И идем.

И вечером также идём,
Как шли мы и утром и днём.

Нас губят и стужа и зной.
Мы гибнем. Но с мыслью одной:
Когда наш Ильич умирал,
Куда-то он нас посылал?

Неужто никто не слышал?
А, может быть... Не разобрал?!

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ

Молодые люди. Юнкера и кадеты.
Крепь-опора русская испокон веков.
Только колыбельные были вам пропеты,
Тут же вам запели пули у висков.

Молодые люди. Юнкера и кадеты.
Ваши «богоносные» святые мужики
Злобой иноверцев будут разогреты,
Вас, смеясь, поднимут на свои штыки.

Молодые люди. Юнкера и кадеты.
А ведь были планы на «аз» и на «ять».
И служенье музам. И вдвоём рассветы.
И любовь, которой смертным не понять.

Молодые люди. Юнкера и кадеты.
Вот какие, господа, вышли-то дела.
Ваши кости белые истлевают где-то.
Ваша Мать-Россия на панель пошла.

Нам «ботают по фене»:
– Россия – птица Феникс.
Возьмёт испепелится
И тут же возродится,
И ею – возрождённой –
Мы станем вновь гордиться...
Но червь неискушённый
Под черепом вертится:
– А вдруг она не птица
И не возродится?
А вдруг она не Феникс,
А, скажем прямо, – Феликс?
Что станет с ней тогда?
Ответьте, господа!

Эх, Россия! Россия! Россия!
Неразумная Родина-Мать.
Ты сняла с себя всё, что просили,
Стала с деток родимых снимать.

Ничего, мол, и всё – слава Богу.
Мы и так как-нибудь проживём.
Вот и дети твои у порогу...
Ну, а эти-то чьи – за столом?

Отъедятся они, отоспятся
На хлебах и кроватях твоих,
Да как вцепятся. Да как вцепятся.
Да как вдарят твоим-то под дых.

Сколько холмиков ты оросила
Материнской слезою своей.
Эх, Россия! Россия! Россия!
Ты своих хоть чуть-чуть пожалей.

«СВЕТЛЫЙ ПУТЬ»

В некие-то дни
Нас вели одни
В розовую даль
Закалясь, как сталь.

Так мы шли и шли
По глаза в пыли
С клятвой на губах,
С партией во лбах –
КПСС.

Вот сквозь пелену
Смотрим на страну –
Нищая страна,
Ой ты, мать честна!

Те же мужики
Сжали кулаки:
– Не туда идём.
Здесь мы пропадём!
Повертай кругом!

И опять в пыли
Мы пошли, пошли

С клятвой на губах,
С партией во лбах –
ДПР.

Вот пропели гимн.
Прогремел салют.
Сирым и нагим
Дай, страна, приют.

Так, куда ж мы шли?
Где наш Светлый Путь?
В голубой дали –
Голубая муть.

Прощай. Прощай, Союз Советский,
Тебя объемлет сон мертвецкий.
Спи. Спи, родимый, Бог с тобой.

Российские незлобные потомки,
Не собирайте прошлого обломки,
Зачем вам этот хлам?
Зачем вам этот бой?
Когда у нас есть храм
Просторный. Светлый. Свой.
РОССИЯ!

(М. Горбачёв)

Он мягко нам стелет,
Да жёстко нам спать.
А что, в самом деле,
Он может нам дать?

На грядках застоя
Он вырос таким.
Приветствуя стоя,
Ему воздадим.

По рапортам громким,
Как пуки в воде,
Вспомнят потомки
О новом вожде.

Как кильки по банкам,
Живём мы, а он
В швейцарские банки
Вложил миллион.

Открыл он Европе
России естество...
Похлопаем, холопе,
Во славие его!

Проснись, Россия,
Открой глаза.
Шумят витии.
Гремит гроза.

Вон сыновей
Уводят в плен,
И дочерей
Низводят в тлен.

Твои кровинки.
Твой шик. Твой блеск.
Но ни слезинки,
Ни вскрик. Ни всплеск.

Очнись. Ну что же?
Заголоси!
О, Боже! Боже!
Спаси! Спаси!

Верни дитяти.
Прижми к груди.
А этих «дядей»
Хоть пруд пруди.

Не спи спокойно
Среди гульбы,
Ведь ты достойна
Иной судьбы.

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

Стоит забытая деревня.
Её по крыши замело.
В куржак одетые деревья
Парят над ней нетяжело.

И хорошо здесь и покойно,
И слишком некуда спешить.
И можно жизнь дожить достойно...
А вот не остаёмся жить.

* * *

*В заброшенной русской деревне
Живёт одинокий еврей...*

/ Светлана Кузнецова /

В заброшенной русской деревне
Живёт одинокий еврей...
Совсем, как сказание, древний.
И липкий совсем, как елей.

Хотел он хозяином слыти
«Родимой» Российской земли,
А эти – проклятые злыдни –
Взяли и померли́.

Поплачь, Россия, потужи,
Зажги перед иконой свечи,
Ещё хранитель твой – мужик
Изволит возлежать на печи.

Ещё когда с печи сойдёт,
И полный ковшик приголубит.
Возьмёт топор и в лес пойдёт,
И там – в лесу – дубину срубит.

И кто и сколько заслужил,
Он полной мерою отмерит...
Поплачь, Россия, потужи,
Быть может, Бог слезам поверит.

* * *

Реставрируют церковь во Спасе.
– Слава, Господи!– молит народ,
Может, снова наступит согласие.
Снова будет приплод и дород.

Станем, братья, усердно молиться
И молитву услышит Христос...
А потом вдруг наступит граница
И опять всё к чертям – под откос.

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

«Нет счастья в жизни», – друг сказал,
Когда мы шли с ним на вокзал
По узкой улочке вечерней,
Как будто по земле ничейной,
И в сумрак он слова бросал.

А я! Что я? Ужель ответить,
Что счастье не легко заметить,
Когда искать его вдали,
От той, родной своей земли,
Где – по словам – ему «не светит».

Добро, когда была бы шутка.
И стало мне ужасно жутко,
Что нечем мне ему помочь,
Как прежде чем он канет в ночь –
Присесть с ним рядом на минутку.

«Нет счастья в жизни», – друг сказал
И словно узел завязал.
Кто «от противного» докажет?
Кто другу узел сей развяжет?
Тому бы дорого я дал.

Да, наше время сложное,
Хотя и не война.
И если крылья сложил ты,
То грош тебе цена.

Ведь жизнь не вся – то выznалась
И даль ещё светла.
Ну, что с того, что изморозь
Уж на виски легла.

Мы – Родины заботники,
Кедровые кряжи.
Воители. Работники.
Наш труд приди – княжи!

Пусть канет в невозвратное
Всё, что губило нас...
И сила благодатная
Сойдёт к нам в добрый час.

* * *

Пусть я шел, куда несло
По тропинке узкой...
Мне всю жизнь не везло,
Потому что – русский.

Потому что я с себя
Мог отдать рубаху,
И за ближнего – любя –
Возойти на плаху.

Хоть и зная наперед,
Что за эти муки,
Он к себе домой придет –
И омает руки.

ДЕНЬГИ-ПТИЦЫ

Деньги летят, как птицы,
Почти неизвестно куда.
А сколько из них возвратится
Обратно в карман? Вот сюда?

Не знаете?
Тоже не знаю.
И стоит о том горевать!
Я руку в карман запускаю
И рубль за клюв вынимаю:
Лети! Поищи поклевать.

РАЗГОВОР О МОДЕ

Сейчас о моде говорят
Везде и всюду. Все подряд.
И мысли столп, в науках дюжий,
И краснобай – болтун досужий,
А жизнь подводит результат.

О, мода, мода! Ты – не вздор.
Гармония ласкает взор.
Но...
Если в одёжки цивильные
Затянуты морды дебилные,
Какой может быть разговор!

Сибиряк по рождению, русоволос,
Чем немало всегда дорожил.
Средь болот Васюганских мальчишкой я рос,
На Камчатке солдатом служил.

Мне студенческих лет не забыть никогда —
Этот праздник навечно в груди.
Было каждому в среднем по двадцать тогда
И у каждого всё впереди.

Я приобскую нефть знаю близко, в лицо,
Мы сроднились с ней, наверняка,
Мне однажды она подсказала словцо —
И моя засияла строка.

Мне по нраву родная равнинная хмарь,
Но о многом душе говорит
Нить кораллов Курил и балтийский янтарь,
И уральских небес лазурит.

Это всё — моя Родина, отчий мой дом,
Где работаю я и живу.
И один уголок в этом доме большом
Я родною Сибирью зову.

Приходит однажды минута,
Приходит где-то в пути,
И нужно сказать кому-то
По-дружьи простое: «Прости».

Мы в детстве живём кучеряво,
В наивности милой своей,
По-рыцарски величаво,
Теряя, находим друзей.

С годами... Хоть, вроде, и те же,
А в дружбе, как бы невзначай,
«Здравствуй!» – всё реже и реже.
Всё чаще и чаще: «Прощай!»

Всю жизнь. Всю жизнь. И без остатка
Я положил – и смех и грех –
За призрак жалкого достатка,
Чтоб тоже было «Как у всех!»

И чтоб, вкушая хлеб телесный,
Других не горше был ломоть.

.....

Господи! Светы небесный!
Как мне себя обороть?

Как мне надежды умерить
На благодати твои?
Как мне посметь и поверить
В разум и силы свои?

НАШИ ЛИЦА

Наши лица некрасивы.
Наши взгляды боязливы.
И просящи наши речи.
И обвислы наши плечи.
Мы забыли про улыбки.
И надежды наши зыбки.
В толкотне очередей
Растоптали в нас людей.
С нами всюду кривотолки.
Мы друг к другу злей, чем волки.
Тянем с ямы на ухаб.
От раба родится раб.
А спросите : Почему?
Я отвечу: Потому
Мало в нас от человека,
Что боялись мы от века
Сначала – барина.
Потом – татарина.
Потом – императора.
Потом – узурпатора.
Потом – доносов.
Потом – вопросов.
А теперь у нас – ДЕМОКРАТИЯ.
Восславим дающего, братия!
Но сказано было и, видно, не зря:
«Всё возвратится на круги своя».
Мати – Россия. Мати – Россия!

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Что за странный человек.
Право, ненормальный,
Ищет в этот самый век
Пары идеальной.
Говорят ему: Чудак,
Ты тут хоть убейся.
В этом мире всё не так,
Даже не надейся.
Хочешь маленький совет
От того, кто знает:
Если здесь чего-то нет,
Значит, не бывает.
Будь как все. Живи как все.
Чё те, больше надо?...
На вот, скушай монпансье,
Выпей лимонада.

Подкралась к душе моей усталость,
Значит, время в путь мне собираться.
И со всем, что на земле осталось,
Как с товарищем, хочу я попрощаться.

С вами, дорогие мои люди,
Расставаться мне особо больно –
Может, среди сутолоки буден
Кого из вас обидел я невольно.

С вами, мои садик и цветочки,
С вами, мои травка и коровки.
Был вчера я нежный ангелочек,
Завтра стану дьявол, злой и ловкий.

Научусь я пить и материться.
Говорить похабщину про женщин.
Милый мальчик, ты уже и снится
С каждым годом будешь мне всё меньше.

Ты – один судья мой самый строгий.
Я готов и не хочу пощады...
Может, по ошибке по дороге
Затерялся мой вагон дощатый.

Уходя, я не таю обиды,
Дружий взгляд держу у сердца близко.
И за всё, что на земле увидел,
Люди добрые, я кланяюсь вам низко.

Однажды случится такое
И станет совсем невтерпёж
Моё бытие городское
И сутолока и галдёж.

Я поселюсь в деревне,
Стану сажать картошку.
Буду, как дедушка древний,
Ветшать и ветшать понемножку.

А к зиме, примостясь на завалинке,
Как мой предок в свою старину,
Подошью мои старые валенки
И ещё раз зиму обману.

Умейте отличать друзей
От не вполне,
Я знаю головой своей,
Поверьте мне.

«Друг» – на коне. Он впереди.
Дай Бог! Дай Бог!
Но если ты... На полгруды –
Твой жребий плох.

Такое не прощал никто
И не простит.
Так получай...
А видел кто –
Тот промолчит.

Что спид? Что мафия? Война?
Для человека.
Есть зависть чёрная, она –
Болезнь века.

Но стоп.
Какого ж молодца
Как жить учу?
А сам личину от лица
Не отличу.

Плачут берёзки. Плачут берёзки.
Срубили подружку. Срубили ... на доски.
Срубили подружку в начале апреля,
Когда на земле все подобрали.

Когда каждой веточке. Каждой дорожке
Хочется солнца, хотя бы немножко.
Хотя бы немножко нежного света.
Тёплого слова. Слова привет.

Только подружке уже не услышать,
Как ласковый ветер листвою колышет.
Как полнится тело томительным соком,
А ласточки в небе высоко-высоко.

Плачут берёзки. Плачут берёзки.
Срубили подружку. Срубили ... на доски.
Срубили подружку в начале апреля,
Когда на земле все подобрали.

Устал, как сельповская лошадь,
Которой за весь её труд
Ну, если по крупу ладошей
Ударят,
А жрать не дают.

И было всего-то отрады –
Клок сена с дороги поднять,
Да где-нибудь возле ограды
В тени, задремав, постоять.

А то, что тягала сверх силы
Почти наравне с битюгом,
За всё её возчик Василий
Отборным кормил матюгом.

Вот так-то, мой друг Николяша!
Узнал двойника своего?...
А ты застоялась, коняша,
Ну, трогай. Пошла! Иго-го!!!

Мне говорят, что я старик,
Помилуйте, друзья,
Но для чего сходить на крик
И так услышу я.

Хотя он в сердце мне проник
И душу оросил.
Но вы, переходя на крик,
Лишились стольких сил.

Вся наша жизнь и каждый миг
Подвластны небесам.
А кто старик иль не старик.
Увы! Решает сам.

Дни всё короче и мгlistей.
Ночи длинней и длинней.
Падают, падают листья
С дерева жизни моей.

Скоро уж, скоро закатится
Солнце за тот косогор...
Мне вспомнилось скромное платье,
Мне вспомнился ласковый взор.

Теперь это всё далече,
Как то, что от мамки тайком
Уж больше весне навстречу
Не выбежать босиком.

И всё ж я с природой не в ссоре,
Раз осень – так осень и пусть.
И радость земную и горе
Я знаю почти наизусть.

С малъства меня жизнь «обожала»
И то по лицу, то в бока –
Любовь свою выражала,
Учила уму дурака.

Я вырос... Но те же заботы
И ныне тревожат её:
Как бы «наладить» с работы.
Как бы «объехать» жильём.

Спасибо, родная, салют!
Ты правильно линию гнёшь,
Ведь,
Чем больше бьют,
Тем нежней поешь.

Я хотел бы иметь младшего брата.
Я с детства о братике младшем мечтал.
И так же, как многие наши ребята,
Его у себя на закорках таскал.

В те суровые зимы, когда сам я был маленьким,
За него я б любую напасть упросил.
А весной, как цветок, выносил на завалинку
И сидели б на солнышке, набирались бы сил.

Если плакал бы он и ему было плохо,
Если спать он не мог, я бы сам не заснул,
И хлебушко весь свой, последнюю кроху,
Отдал бы и после не попрекнул.

И зависть бы к брату мне грудь не щемила,
Как ловко во всём он меня обходил.
И если во мне что хорошего было,
Я с ним без утайки по-братски делил.

А как бы теперь дорожил-то я братом.
А как бы гордился им день ото дня.
Таким настоящим. Красивым. Женатым.
И так непохожим ни в чём на меня.

Когда окончится мой срок,
Что брал у жизни в долг,
Ко мне придут на мой порог,
Кто в этом знает толк.

Они войдут и постоят
У ног и головы.
И унесут. И затаят
В земле среди травы.

Потом пойдут к своим делам
С печалью на лице.
А я лежать останусь там,
Как денежка в ларце.

Как же случилось-то? Как же случилось?
До сих пор я никак не пойму.
Всё прошло. Пронеслось. Прокатилось.
И в крошечную кануло тьму.

Нет подруги. Но нету и друга.
И мужчина не в лучшей поре.
И живу я один, как зверюга.
Как зверюга в вонючей норе.

А на вас обижаюсь не шибко,
Ни за что ни про что не кляня...
Я на землю попал по ошибке,
Вы уж, люди, простите меня.

НАДЕЖДА

Всё чаще, чаще понимаю,
Что не по росту поднимаю –
Свой груз... да и не по годам.
Что жизнь – житуха, я вам дам.

Что вот уже душа стареет.
Что вот уже и мысль мелеет.
А музы любят молодых,
И я уж не предмет для них.

Ну что ж. Ну что ж. Мои потери,
Что в пропасть века улетели,
Не все пропали без следа...
И нет во мне за них стыда.

Но, может быть, ещё луч солнца
Мне вновь, как прежде, улыбнётся.
И я о любви пропою,
Как в давнюю юность мою!

СУДЬБА

Судьба, судьба, ты кто такая?
Принцесса или ведьма злая?
Тебя я что-то не пойму,
Веди к чему-то одному.
Иль нет, постой. Прости за спесь.
Останься той, какая есть.

Пусть колют будних дней колючки,
Они страшны для белоручки,
А мы с тобой – сибиряки,
Нам это, право, пустяки.
К тому же я зовусь поэтом,
Хоть, может, зря. Но суть не в этом.

Не раб я твой.
Ты – не моя раба.
Мы брат с сестрой,
Моя судьба.
И в рай не едем на чужом горбу.

Мне не в чем упрекнуть мою судьбу.

Опять я лирикой болею.
Опять смотрю на небеса.
И над былинкой каждой млею.
И снова верю в чудеса.

Хожу-брожу по переулкам,
И свет повсюду впереди.
И сердце радостно и гулко
Стучит,
Как в молодой груди.

Но почему? И против воли
Вдруг слёзы набегут из глаз.
И всех люблю и жаль до боли,
Как будто бы в последний раз.

СТИХИ

Стихи – не хобби, не забава,
В них пот земли и свет небес.
Всё прочее – уже оправа
И, в общем, никаких чудес.

Но если сердце не тревожит
Чужая боль и нет души,
Каким размером ни пиши,
Стихов не будет.
Не поможет
Ни мудрость книг, ни опыт лет,
Так кто ж он, их творец – поэт?

Поэт?! ... Должно быть – камертон,
Эпоху отражает он.
Всё видеть. Всё успеть. Всё знать.
Всё именем своим назвать.

А какое это счастье:
Блещет взор. Теснится грудь.
Труд упорный. Труд всечасный.
Вдохновенной мысли труд.

Возможно, могу я писать про любовь
К Родине. К матери. К другу.
Я сердце набил в синяки и кровь,
А мне говорят: руку.

Я в годы суровые не воевал,
Я ползал через порог.
Но вместе с Родиной я голодал
И, может быть, этим помог.

О, как нелегко поднимать семью
На ставку технички простой.
И тётю Соню – маму мою –
Уважал коллектив заводской.

Когда меня жизнь берёт на испуг
И сердцу не жаль ни черта,
Ко мне приходит единственный друг,
Который дороже ста.

За что это мне на Россию пенять?
Я всё здесь имею сполна.
А если кому не дано понять,
В том – не моя вина.

СТИХИ ПО ПОВОДУ

Мои книжки лежат.
Их никто не берёт.
Как колючих ежат,
Их обходит народ.

Я народ не виню
У такой полосы,
Ведь стихи не меню,
Не пальто, не трусы.

Их не съешь на обед;
Не наденешь в метель,
И как некий предмет
Не носили досель.

Знаю, думает он
У витринных окон:
— Коли в пузе урчит,
Муза пусть помолчит.

ВЛАДИМИРУ МАЗИНУ – ПОЭТУ

Певец проток и елей,
Саней и обласка.
Другого, в самом деле,
Не сыщется пока.

Не любишь града смог ты.
Ты не его поэт.
Ты в городе не смог бы
Произойти на свет.

Поклон тебе и здрасьте,
Ларьякский мальчуган.
Я сам из этой масти,
Мой папа – Васюган.

Мы куропатку с курицей
Не спутаем вовек.
И музы наши – умницы.
И сами – неплохие ребята.

ПРИГЛАШЕНИЕ К СТОЛУ

О, подожди, мой милый друг,
С тобой мне так легко и просто.
Мы одинакового роста
И прочее... Найти не вдруг
Таких друзей в такие годы.
Выходят старики из моды.
Мир обновляется вокруг –
Таков уж жизни мудрый круг.

Давай, присядем у стола.
На стол бутылочку поставим.
И юность новую не станем
Ругать... Мол, до чего дошла!
Уж стариков не почитает.
Их выжившими из ума считает.
К чему? Зачем? Ведь и у нас
Была такая же в свой час.

Мы лучше сделаем иначе.
Стаканы попопней нальём.
Не беспокойся – мы вдвоём.
От чуждых глаз нас стены спрячут.
Пускай гадают мудрецы,
Что значит: Дети и Отцы.

И чешут крупные затылки...
Когда ответ на дне бутылки.

Мой милый друг, не торопись.
Садись! Садись!

СТИХИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Волнуют нас снова и снова
Стихи Николая Рубцова.
Сердечная их доброта,
Душевная их теплота.

Как будто лесами, лугами
Ведёт нас сторонкой своей,
И в сумерках светит над нами
Звезда задремавших полей.

Воспитанник детского дома
И североморский матрос.
Причёску его, как солому,
Арктический ветер унёс.

Мечтал о семье он и сыне,
О счастье простом и навек.
Какие стихи о России
Сложил!
А какой человек!

За дружбу пошёл бы на плаху
И воду принял и огонь.
Последнюю снял бы рубаху:
Возьми вот, а друга – не тронь!

А с виду совсем неказистый
И ростик весьма небольшой.
Но был он до донышка чистый
С пронзительно русской душой.

ДВА СВЕТЛЫХ ИМЕНИ РОССИИ

Андрей Рублёв.

Николай Рубцов.

Для сердца русского
Красноречивей слов.

Им свыше дарована вечная молодость,
Что кистью и словом восславили добро.
Возможно, не все их творения – золото,
Но то, что не золото, то – серебро.

И неудивительно, что их имена созвучны.
Случится: однажды их познакомят века,
И станут они с тех пор неразлучны
Пока светит солнце.
И жизнь существует пока.

Никого не убеждая и ни с кем не споря,
Так или эдак – вижу вдали:
Идут они бок о бок, оживленно гуторя,
Два брата. Два сына отчей земли.

Жаль: разговор их – загадка для слуха.
Вот разве по жестам? Но это – не то.
А так, как они, тайну русского духа,
Ни до и ни после не понял никто.

Памятник воздвигнули над Вологдой,
Где напротив комбинат с трубой,
Не тузу народному, как водится,
А такому – вроде нас с тобой.

Вот он встал под небо морозящее
Со своей балеткой, в пальтеце.
Но фигура – ангельски скорбящая.
Но улыбка – тихая в лице.

Небо то польёт. А то разведрится.
То опять возьмется моросить.
Он стоит и даже как-то светится,
Что невольно хочется спросить:

Кто таков? За что он уважаем,
Тут инициалов даже нет?
Вам ответят: Коля – Вологжанин.
И добавят – Мировой Поэт!

СОЛНЕЧНАЯ ДЕВОЧКА

Солнечная девочка
Ника Турбина,
Что с тобою сделали –
Не твоя вина.

Ни семьи, ни школы,
Ни ленинского комсомола
Вины здесь нет.
Тебе не вручали
Партийный билет.

С сердцем,
Полным человеческой боли,
Ты жила, как бегают
По минному полю.

И бабочки порхают,
И цветики цветут,
И, кажется, что счастье
Именно тут.

А сколько восклицаний
Восторженного – Ах!
/Ведь только за ближних
Испытывают страх/.

Тебя приручали,
Тебе поучали,
А ты, как птица,
Которой на ветке
Легче, чем в клетке,
Пусть холод грозится.

Может быть, сон,
А может, пророчество –
Ты с детства боялась
Одиночества.

Но не включалась
С этим в борьбу,
Как будто пыталась
Свою судьбу.

И принимала
Как Божию Милость,
И в высоту
Неустанно стремилась,
Зная, как опасен
Ветер высоты.

Анна и Марина
С тобой – на Ты.

* * *

Хорошо с хорошими друзьями
Посидеть, развеивая грусть,
И стихи, что сложены не нами,
Прочитать почти что наизусть.

Раздирает в кровь Россию смута.
Слово «русский» – хуже, чем хула...
И неясно было почему-то –
Чем это поэзия жила!

ПОЭТЕССА

Эта девушка пишет стихи.
Я смотрю на неё в удивленье,
Как на краткое миру явление
Невозможных – по мысли – стихий.

Её взоры блуждают не здесь,
Среди радостей мелких и стресса.
В её облике таинство есть,
Да, конечно, она – поэтесса.

Её парень, видать, Апполон,
Или принц, или князь непременно.
Но зашитый чулочный капрон.
О земном говорит вдохновенно.

СЕБЕ САМОМУ

Норушка – насыпушка
Под берегом стоит
В норушке – насыпушке
Живёт один пиит.

Он ходит на работу
И пьёт не только чай.
А что стихи слагает,
То... как-то невзначай.

СЛОЖЕНИЕ СТИХОВ

Я полон рифм и отваги
И величав, как монумент.
Чтоб душу выразить бумаге,
Мне нужен лишь один момент.

А кот, как будто ухмыляясь,
Вполоборота головы
Глядит, как я над строчкой маюсь,
Глазами мудрыя совы.

* * *

Жил поэт. Работал он как лошадь.
Что-то там в тетрадочку кропал.
Может быть, не так он был хорошим
И в стихах не глубоко копал.

Все он делал как-то неумело,
В смысле том, что пользы не имел.
Но одно сказать он может смело,
Что овса чужого он не ел.

СТИХИ ПОЭТОВ НЕ ПИТАЮТ

Закудрявил стихами мозги.
Оглянулся – не видно ни зги.
Не успел даже толком пожить...
Кто, откликнитесь? Где я, скажите?

Стихи поэтов не питают
И в общем даже не поят.
Поэты в облаках витают,
А люди на земле стоят.
И сбить их палкой норовят.

Пусть все мои стихи не стоят ни гроша.
Пусть имя и покой ничей я не нарушу...
Поэзия – это душа!
А можно ли выразить душу!?

Как высоко парили облака.
Как низко нависают тучи...
Все чаще, чаще крестится рука –
На всякий случай.

К МОИМ СТИХАМ

Не рабочий, не интеллигент,
Как укор, как позорище века,
Сотворив из меня инструмент,
Вы убили во мне человека.

Все живут на земле по-людски,
Я же – хуже зверюги какого.
Хоть завой, хоть подохни с тоски,
Даже не с кем обмолвиться словом.

А не то, чтобы выпить вина
Иль забыться неспешной беседой.
Разве в этом не ваша вина?
Как и в том, что, не глядя на это,

Не озлобился я, не озлился,
Поклоняясь любви и добру.
Видно, я в этот мир родился
Не ко времени. Не ко двору.

Я счастлив был краткое время,
Когда средь сибирских снегов
В детдоме на равных со всеми
Я рос, не слагая стихов.

Семь лет как минула война,
И скоро детдом наш закроют.
Последних сироток страна
К полезному делу пристроит.

О, эти разлуки, разлуки,
Вдруг смолкнут ребята, тихи.
Тогда я улавливал звуки,
Что после сложатся в стихи.

Мне жизнь задавала задачи
Такие, что враз не решить.
Желала добра и удачи,
И, если она что-то значит,
Просила меня поспешить.

«Не сложно – прими же на веру –
Пробраться тебе на верхи.
Карьеру поставить к барьеру,
Всего-то... Забудь про стихи».

А я, не обдумавши дела,
Слагал и – была ни была...
Та искра, что слабенько грела,
Сожгла мне всю душу дотла.

Бессмысленно с кем-либо спорить,
Что в рай не пускают грехи,
Я смог бы себя там устроить,
Во всем виноваты – стихи.

ДУША ДЯДИ КОЛИ

Когда я умру, я – не умру,
Я просто сыграю в такую игру:
Я лягу на койку, к стене, на бочок –
И больше ни слова, ни звука, молчок.

Родные увидят и что-то поймут.
И скорбно в дорогу меня соберут.
И я по тропиночке мглистой
Пойду себе в травы и листья.

Душа, от земного устав бытия,
На вечные веки покинет меня
И сквозь оболочку телесную
Уйдёт в вышину поднебесную
И там обратится звездой,
Красивой такой, молодой.

И, может быть, девушка, с другом гуляя,
Скажет: Смотри-ка, звезда-то какая!
А это лишь будет ни мене, ни боле,
Всего-то – душа дяди Коли.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Пусть снова вьюга злится
И леденеет даль,
Но клюнула синица
О голубой хрусталь.

И смотрит день с улыбкой,
Как тетушка-сосна
Качает солнца зыбку,
А в зыбке той – весна.

Еще не скоро лето,
Не слышно, не зови.
Еще за морем где-то
Зимуют соловьи.

И все ж светлеют лица,
И розовеет даль,
И клюнула синица
О голубой хрусталь.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Недаром говорят, что лирика – душа поэзии. Ранняя лирика Никона Сочихина тесно связана с детскими и юношескими воспоминаниями, где за мягкостью и шутливой простотой слога упрятаны тонкие душевные, слегка ностальгические, переживания об ушедшем:

*...Я теперь вспоминаю все чаще
Наш стоящий на взгорке детдом.
Вспоминаю не слезно-скорбяще,
А светло, как о доме родном.*

*Что за чудо там были покосы
Над Чвором и Чижанкой-рекой.
А какие летали стрекозы,
Что лишь в сны залетают порой...*

И такое:

*...Наши мамы немного сердиты,
Папы хмурятся с фото чуток.
Над округой звенит «Рио-Рита»,
Созывая ребят на каток.*

*Отставляются в сторону книжки,
Не до книжек, конечно, сейчас.
Мы сегодня всего лишь мальчишки,
Мамы, мамы, простите вы нас.*

Щемящая исповедь поэта сопрягается с возвышенными устремлениями к прекрасному, к природе. Живой язык его без изощренных изысков в стихах необыкновенно естественен и весьма доверителен.

*...И мальчик, руками махая,
Промчится в луга на коне,
Как будто бы птица какая,
Дотоль неизвестная мне...*

Именно таким исконно русским стилем слагаются стихи, справедливо называемые народными, которые впоследствии становятся песнями. У Никона Васильевича они являются наиболее яркими, близкими к традиционно городской песенной поэзии:

*...На обских просторах
Раскинулся город,
Который я славлю трудом и в стихах.
И вспомнить я рад,
Ведь он мне как брат,
Что рос у меня на глазах.*

В его воспоминаниях о далеких шестидесятих годах нам видится паренек небольшого роста с немногo лукавыми глазами и детской улыбкой. Это романтик, поэт, в судьбу которого вторгается лирика душевных переживаний. За легкими ироничными стихами открывается натура страстная, высвобождающая свою глубоко скрытую природу в слове.

*...Если заняты не очень,
Если некуда спешить,
Напиши мне пару строчек,
Напиши мне, напиши.*

*И в поселок наш вахтовый,
Что теперь мне стал как дом,
Вертолет придет почтовый
С дорогим твоим письмом.*

*Пусть всего две строчки только
Я в конверте получу,
Я нисколько, я нисколько
Оттого не огорчусь...*

С другой стороны, стихи этого периода говорят нам, что он человек рабочий, бурильщик, несущий вахту в бескрайней тайге, которому:

*...После тяжелой работы
Хочется лечь и заснуть,
В теплую тину дремоты
Тихо тонуть и тонуть.*

*В мыслях – ни слов, ни желания,
Будто бы с этих вот пор
Выключил зажигание,
и остывает мотор.*

Так происходило брение музы и хлеба насущного. Это уделом крупных писателей была генеральная линия социального заказа. Поддерживая партийное искусство, «принадлежащее народу», маститые литераторы получали гонорары, дачи, возможность свободного творчества. А у молодых поэтов, живущих в провинции, была одна дорога – в редакцию городских газет, на их литературные странички. И за все – нагоняи от начальства: «Мол, тоже нашелся поэт»...Метаморфоза судьбы.

В стихотворениях Никона Сочихина семидесятих годов все чаще звучит тема труда, тема жизни первопроходцев в эпоху начала освоения Среднего Приобья. Мы, его современники, были участниками и свидетелями небывалого трудового подъема и видели Россию в дни ее наивысшего официального

пафоса. Мы свято верили времени, своему месту и делу, верили в душу человеческую, способную сохранить искру, чтобы в нужный исторический момент вспыхнуть и светить людям.

Но в каждом, кто осваивал наш край, был и свой, незамутненный идеологией взгляд на окружающий мир:

*...От буровой до буровой
Окрестности, хоть волком вой.
Какие шрамы вижу я,
Какие раны.
Мы не сыны твои, земля,
Твои – тираны.*

*За то, что мы, срывая куш,
Прем оголтело,
Поплатимся уродством душ,
Уродством тела...*

Люди такой веры лишены гибкости, не умеют лавировать и притворяться. В этом их красота, сила, но в этом и их слабость. Поэзия Сочихина не несет в себе утилитарной назидательности. Он не просит ни у судьбы, ни у власти ни почестей, ни наград. Такая душа просто замыкается в себе, думая, что

если заслужил – вспомнят, вызовут, вручат. Даже и в личной жизни поражает его ненавязчивость:

*...Когда я умру, я – не умру,
Я просто сыграю в такую игру:
Я лягу на койку, к стене, на бочок–
И больше ни слова, ни звука, молчок.*

*Родные увидят и что-то поймут.
И скорбно в дорогу меня соберут.
И я по тропиночке мгlistой
Пойду себе в травы и листья...*

Не имея пробивную силу и надеясь только на себя, он смог издать несколько поэтических книжек. Среди них: «Душа моя», «Северный огонек», «Под небом высоким», «Неувядаемый цветок», «Веселое дело». И книжки стихотворений для детей: «Ручеек», «Кораблик», «Не пугайтесь нас, ребята».

Главная отличительная черта Никона Сочихина – это равнодушие ни к жизни, ни к творчеству, ни ко всему, что происходит вокруг. И книжка «Светлая радость» тому подтверждение.

*Алла ЦУКОР,
член Союза писателей России*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
От редактора	4
Привет тебе, Родина наша!	6

ДАЛЕ́КИЕ ГОДЫ

«Дале́кие годы... На тесных вокзалах...»	8
Дороги наших отцов	10
Стихи о старших братьях	11
«Уходили отцы и братья...»	12
«Качался катер у причала...»	14
Молитва матери	15
«В детстве под грозою...»	16
«На деревне стало нелюдимо...»	17
Сельская учительница	18
Весна нашего детства	20
Тете Лизе, няне	22
«Люди, скорее! Смотрите, над нами...»	24
«Мы жизни ничто не поставим в вину...»	25
Российский уголок	26
Васюганский ручей	28
«Дружище, я не позабыл...»	30
День победы	32
Дурочка	33

Памятный урок.....	35
Зной	36
За ягодой	37
«Было лето, как огонь...»	38
Кофейный горошек	39
«Я не скажу, что край мой невидаль...»	41
Воспоминание о детском доме	42
Заводская окраина.....	44
«Рио-Рита».....	46
«Люблю я финтифлюшки...»	48
«Был в школе бал...»	49
Благовещение	51
Каргасок	52
«Это годы всё, годы...»	54
«На катерке по Васюгану...».....	55
Запоздалый поклон	56
Пробуждение	57
«Просто было утро ранее...»	58
«Пилю сосновую доску...»	59
Последние идеалисты.....	61
«Дети войны...»	61
«Как мне хотелось участия...»	61
«Там было надежно, там было тепло...»	61
Дети войны	62
«Плачет маленький мальчик...»	64
«Смотрю из далёкого детства...»	65

Ода маневровому паровозу	66
«Места родные, вас мне не узнать...»	68
«Дальняя, близкая сердцу родня...»	69
Коларово (село Спасское).....	70
Голос Родины.....	71
«Пойдем, девчата, в лес...»	72

ЛЮБОВЬ-ЛЮБОВЬ

«Где ты, моя первая...»	74
Портрет девочки.....	76
«Не опускай свои ресницы...».....	77
Двадцатая весна.....	78
«За рекой, за рощицей...»	79
«По какой, неведомой мне силе...»	80
«В гулких переходах коридоров...»	81
«Люблю ненастную погоду...»	82
«На свете много улиц есть...»	83
«Нет, я не жил, я дни влачил уныло...»	85
«Был вечер тихий и с луной...»	86
«Я не открою ваше имя...»	87
«Когда порой в моё жилище...»	88
«Бог есть! Я знаю, знаю...»	89
«Дайте мне Вашу руку...»	90
Чаепитие	91
«Вам нынче только девятнадцать...»	92

«Девушка письмо мне написала...»	93
Букет увядших роз	95
«Кудрявый мальчик Купидон...»	96
Элегия.....	97
К Наташе.....	98
«Зачем непрочный луч надежды...»	99
«Стынет речка, стынет речка...»	100
«Мы стали несдержанны оба...»	102
«Её любви достоин гений...».....	103
«Идёт ли дождь, иль ветер резкий...»	104
«Сияет друг как в дни получки...».....	105
«Вижу за метелями дальнюю околицу...»	106
«Люблю я зиму. То ли дело...»	108
Зимний вечер...»	109
«Разрешите с вами познакомиться...»	110
«Февраль снега протёр на тёрке...»	112
«Ах, зачем к нам приходит весна?...».....	113
«Сегодня Женский день...»	114
Голуби с моего окна...»	115
«Молодой человек, подождите...»	116
«Каждый день по улицам...»	117
«Увидел девушку в окне...»	118
Дома новостроек...»	119
«Ты женщину любил душой поэта...»	120
«Белые ночи... Белые ночи...»	121
«— Я тебя никогда не забуду!...»	122

«Неужель было нужно кому-то...»	123
«Одинокый фонарь – одуванчик...»	124
«Цветы растут на грядках и крапиве...»	125
Грустная песенка	126
«Они целовались на людном причале...»	127
«Мой милый, пора расставаться...»	128
«Свети, луна. Свети, подруга...»	129
Любовь-любовь	130
Цветы	132
«Расскажи, берёзонька, про мою хорошую...»	133
«Не зови меня, гармошка, за село...»	134
Два колечка	135
«Ты хорошая. Ты хорошая...»	136
«Девушка прошла и улыбнулась...»	137
Елене	138
«Если бы случалось чудо в этом мире...»	139
«Играет оркестр духовой...»	140
«Голодному снится краюха...»	141
«Выходи, моя подруга...»	142

ЯЗЫК ТРУДА

«Нам с тобою, товарищ, пройти...»	144
Производственная практика	146
Ямал или 1968 год	147
«Мы теперь далёко друг от друга...»	149

Северная элегия.....	150
Буровые нефтеразведки.....	152
Сургутские авиарейсы.....	154
«Городок нефтяников...».....	156
«Насквозь промочен и насквозь продут...».....	157
Песни над Обью.....	158
«Мы не зря привыкли называться...».....	160
Письмо.....	162
Вертолётчикам.....	164
«В тайге вовсю цветёт багульник...».....	165
На обских просторах.....	166
На вахту.....	168
Я, буровая и комары.....	170
«Ребята с нашей буровой...».....	172
Геологу Жене.....	173
«Люблю вечерком в перекур-передых».....	174
Ночная вахта.....	175
«Опять дожди. Опять дожди...».....	176
Ночи в июле.....	177
Практикантка.....	178
Отпускное.....	179
Послание в Мушкино.....	180
«Шесть балков да вышка буровая...».....	181
«Ми-4, воздух содрогая...».....	182
«Кто-то хвалится горами...».....	183
«Среди тайги безбрежной...».....	185

«Далеко, далеко ты...»	187
«Мы засыпаны снегами...»	188
Северное сияние.....	190.
Крещенские морозы.....	191
«О, километры, километры...»	192
«Скоро ль, скоро ль, грусть-тоска...»	193
Вахтовые рейсы.....	194
Приметы весны	195
«Прощайте, вьюги и метели...».....	196
«Какая погода! Я даже не верю...»	197
«Я хожу по буровой...»	199
«Май по-хозяйски ступил на порог...»	201
«Не зря, ребята, мерзли мы и мокли...»	202
Слово о Нижневартовске.....	204
Лом и карандаш.....	206
Полночь в общежитии	207
Южноморские стихи.....	208
«Я с ялтинского причала...»	210
«На тёмном южном небосводе...»	212
Баллада о Заячьем острове.....	213
«Котик чёрный, как чёртик запечный...»	215
Рисунок на печке	216
«У дяди Коли...»	218
Мне говорят... ..	219
Слово в защиту	220
«Своих великих надо знать в лицо...»	221

«Зачем стихи пишу?..»	222
«Друзья, рабочие поэты...».....	223
«Устал, устал. Нет сил, нет сил...».....	225
«Живу как все. Работаю помбуром...».....	226
«Друзья мои, я вас люблю...».....	227
«После тяжёлой работы...»	228
Визит начальства.....	229
«Как быстры мы на ярлыки...»	230
«Мои товарищи – помбуры...»	231
«Мы встали ещё до рассвета...».....	232
«Как просто ближнего обидеть...».....	234
«От буровой до буровой...»	235
В дороге	236
«Осинник, как пожар, горит по кособору...»	237
«Отстоял я вахту...»	238
Песня о глухаре	240
«От алтайских степей и до карских льдин...»	241
«Каждый, забежавший на Север...»	243
Прощание со старым Сургутом	245
«Тихие аллеи обнимает сумрак...»	247
«Весь вечер гроза, разойдясь, грохотала...»	248
«Я люблю этот город...»	249
«Подули ветры скверные...».....	250
«То не гуси прокричали...».....	251
Моим доброхотам.....	253

Воспоминание о нефтеразведке.....	255
Раздумье.....	257

КТО Я?

«Кто я? Зачем я пришёл в этот мир?..»	260
На побывку	261
Майские стихи.....	263
«Спит город любимый мой...»	266
Рассвет.....	267
«Я спускаюсь с скалистого берега...»	268
«Весёлое дело...»	269
«Я люблю тишину. Я люблю. Но какую?..»	270
Памяти Владимира Комарова	271
Молот	272
Середина лета.....	273
Наездница	274
В вечернем парке.....	275
Синичка.....	276
Здравствуй, мама!.....	278
«Тихо ветер споткнулся о деревце...».....	279
Весна в Тюмени.....	280
Студенческая песня (или 1962 г.)	283
Гитара.....	285
«Преклонюсь перед прахом ушедших...»	287
«Я хотел бы сменяться местами...»	289

Обращение к другу	290
«Был я юным, красивым...».....	292
На рыбалке.....	293
Мышиный горошек.....	294
«От деревни до деревни...»	295
Подорожник	296
Щенок	297
Лесная сорока	298
Жаворонок	299
Катание на лодке	301
Незабудки.....	302
Звездопад	303
Венерин башмачок.....	304
Старая берёза	305
«Зачем ты уходишь, мама...».....	306
Гроза	307
«Я с тихой улыбкой смотрю на ребят...».....	308
Сомнение	309
«Грустно в путь выходить ни с чем...».....	310
«Мы много бегаем по свету...».....	311
«Вы слышите: птица запела...»	312
«Привет, друзья. Товарищи, привет...».....	313
«Играет оркестр духовой...».....	314
«Для чего ношу усы?...»	315
«Люблю, как приеду в деревню...».....	316
Деревенская родня	317

«Дальняя, близкая сердцу, родня...»	320
«Люблю ходить я в летний лес...»	321
Лесное озеро	322
Вечер на покосе	323
Мечта	324
«Нарядный лист отпал от ветки...»	325
«Был чуден лес. Среди дивных опахал...»	326
«Распрощалось небо с летом...»	327
«Вот и окончилось лето...»	329
Осенние стихи	330
Этюд	332
«Пожухла небес синева...»	333
Поздняя осень	334
Посещение Москвы	335
«Кружится. Кружится. Кружится...»	336
«И снег был. И слякоть. И холод...»	337
«Весенние птицы...»	338
Зима в пригороде	339
«Речка во льду засыпает...»	340
«Ну кто не любит зимний лес...»	341
«Заметелила, завьюжила зима...»	343
Снежок	344
«Какая нарядная улица...»	345
«Новогодние свечи оплыли...»	346
«Еще февраль грозит пургою...»	347
Превращения	348

«Мы погрязаем в тине быта...»	349
«Ничто не вечно под луной...»	351
«Едва Россия...»	352
«Двадцатый век идёт к закату...»	354
Творцы истории.....	356
Старик	357
«О чём? О чём ты плачешь, мальчик?...»	359
«Было издревле...»	360
«Когда умирал Наш Ильич...»	362
Молодые люди.....	364
«Нам «ботают по фене»...».....	365
«Эх, Россия! Россия! Россия!..»	366
«Светлый путь»	367
«Прощай. Прощай, Союз Советский...»	369
«Он мягко нам стелет...».....	370
«Проснись, Россия...»	371
Забытая деревня	373
«В заброшенной русской деревне...»	374
«Поплачь, Россия, потужи...».....	375
«Реставрируют церковь во Спасе...»	376
Прощание с другом.....	377
«Да, наше время сложное...»	378
«Пусть я шел, куда несло...»	379
Деньги-птицы	380
Разговор о моде	381
«Сибиряк по рождению, русоволос...»	382

«Приходит однажды минута...»	383
«Всю жизнь. Всю жизнь. И без остатка...».....	384
Наши лица.....	385
Странный человек.....	386
«Подкралась к душе моей усталость...»	387
«Однажды случится такое...».....	389
«Умейте отличать друзей...»	390
«Плачут берёзки. Плачут берёзки...».....	391
«Устал, как сельповская лошадь...».....	392
«Мне говорят, что я старик...»	393
«Дни всё короче и мгlistей...»	394
«С мальства меня жизнь «обожала»...»	395
«Я хотел бы иметь младшего брата...».....	396
«Когда окончится мой срок...»	397
«Как же сталоcь-то? Как же случилось?...»	398
Надежда	399
Судьба.....	400
«Опять я лирикой болею...»	401
Стихи.....	402
«Возможно, могу я писать про любовь...»	403
Стихи по поводу	404
Владимиру Мазину – поэту.....	405
Приглашение к столу	406
Стихи Николая Рубцова.....	408
Два светлых имени России.....	410
«Памятник воздвигнули над Вологдой...»	411

Солнечная девочка	412
«Хорошо с хорошими друзьями...»	414
Поэтесса	415
Себе самому	416
Сложение стихов	417
«Жил поэт. Работал он как лошадь...»	418
Стихи поэтов не питают	419
К моим стихам	420
«Я счастлив был краткое время...»	421
Душа дяди Коли	423
Весенняя песенка	424
 ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	 425

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Сочихин Никон Васильевич

СВЕТЛАЯ РАДОСТЬ

Компьютерная верстка – Т. Михайлова

✻

Тираж 700. Заказ 649.

Отпечатано в ООО «ПК «Зауралье»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

E-mail: zpress@zaural.ru

448

